

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий м., 7. Телефоны { Редакции 1-23-99.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
полгода 6 р. — к.
Для "судработников" при подписке на год 8 р. 50 к.
" " " " на полгода 4 р. 80 к.

№ 21

30 мая 1926 года.

№ 21

Залог товара в обороте.

Определением кассационной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РСФСР от 12 октября 1925 г. по делу Свердловского отделения Всероссийского Кооперативного Банка с ликвидационной комиссией по делам Свердловской кооперативной кустарно-промышленной артели «Уральские Камни» о 11.963 руб. разрешен большой принципиальный вопрос о возможности по Гражд. Кодексу РСФСР залога товара в обороте.

Верховный Суд РСФСР нашел, что форма залога товара в обороте согласно ст. 92 Гражд. Код. РСФСР может быть предусмотрена правилами кредитных установлений.

Против юридической правильности такого толкования ст. 92 Гражд. Код. можно, конечно, возражать, но нельзя не согласиться с мнением Верховного Суда, что условия нашего товарооборота решительно выдвигают эту новую форму залога.

Отсутствие стабильных товарных запасов и потребность быстрой реализации изготовленного или купленного товара все время ставит перед кредитующими учреждениями трудно разрешимую задачу сочетать строгую форму залога с потребностями живого товарооборота.

Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что при залоге товара с оставлением его на ответственном хранении залогодателя, как это практикуется банками, зачастую потребность товарооборота заставляет залогодателя кричать душой и хоть частично отчуждать заложенный товар с заменой его новым, а залогодержателя — банк смотреть на это сквозь пальцы и уже впоследствии соглашаться на замену одних залоговых объектов другими.

Все это создает чрезвычайно нездоровую атмосферу во взаимоотношениях банков с контрагентами и грозит в корне подорвать те начала коммерческой и кредитной дисциплины, которые с трудом, но все же начинают усваиваться нашим оборотом.

Каждый работающий в банковской области, вероятно, испытал то чувство досадного бессилия, когда приходится измысливать необычайно сложные системы обеспечения договоров с контрагентами при финансировании операций,

которые имеют дело с весьма подвижными объектами залога, да еще подверженными постоянным изменениям.

Достаточно будет указать на такие операции, как финансирование импорта сельскохозяйственных машин, требующих чрезвычайно быстрого оборота по сезонам, кредитование операций в области нашей кустарной промышленности, требующей питания ее денежными средствами от заготовки сырья до сбыта готовых изделий, где процесс заготовки, переработки и сбыта идет в усиленном темпе.

Во всех таких случаях залог имущества, обеспечивающего сделку, практически применим только в форме залога товара в обороте. Иная форма обеспечения сделки требует такой сложной процедуры замены одних видов его другими, которая задерживает темп прохождения операций, чем вызывает справедливые нарекания контрагентов банков.

Все эти соображения диктуют особо внимательно отнестись к новой форме залога и постараться найти те практические рамки, в которые можно было бы ее уложить.

Трудность поставленной задачи заключается в том, что необходимо сохранить «вещность» прав кредитора и при залоге товара в обороте, т.-е. товара, находящегося в постоянном движении и не позволяющего как-будто вследствие этого установить ту юридическую связь залогодержателя с залоговым объектом, которая так характерна для вещного права.

В этой трудной задаче мы не найдем никакой поддержки ни в классическом римском праве, которое знало лишь зачаточную форму залога с подвижным объектом, ни в дореволюционном русском гражданском праве, ни в западно-европейском законодательстве, где залог товара в обороте только еще ищет форму своего юридического оформления. И с теоретической точки зрения и по действующему праву залог понимается, как некое символическое господство залогодержателя над определенным заложенным ему имуществом, порождающее для него право преимущественного удовлетворения своей претензии из целостности заложенной вещи.

Для того, чтобы такое отношение залогодержателя к объекту залога было возможно, необходимо, как нам кажется, поставить последний в такое положение, чтобы залогодержатель мог в каждый данный момент точно определить и указать, на какое именно имущество распространяется его исключительное право, в данном случае право залога. При таких условиях нет оснований отказывать залогодержателю в защите его вещных прав залога, так как отсутствует возможность спора о том, какое именно имущество является объектом залога.

Мы полагаем, что товар в обороте при известных условиях может удовлетворять этим требованиям, и в дальнейшем постараемся указать, каковы эти условия, при чем должны оговориться, что последние будут различны в зависимости от того, понимаем ли мы залог товара в обороте, как особую форму залога, могущую быть введенной правилами кредитных учреждений, или как обычную форму залога индивидуального с представлением хранителю залогового объекта (правилами банка) некоторых прав по изъятию отдельных вещей этого объекта с обязательством замены их другими.

Хотя за второй точкой зрения формальное достоинство, так как она старается вывести залог товара в обороте из 92 ст. Гражд. Код. РСФСР в соответствии со ссылкой, сделанной Верховным Судом в упомянутом выше решении, все же нам кажется, что по существу первая точка зрения более правильна, ибо допущение оборота имущества, находящегося на хранении залогодателя, приводит к постоянной смене индивидуально определенных вещей этого имущества, что, конечно, не позволяет говорить о залоге тех индивидуальных вещей, которые были налицо при заключении договора залога.

Рассмотрим залог товара в обороте и с той и другой точки зрения и попробуем определить те основные моменты, которые должны быть зафиксированы соответствующими правилами кредитных учреждений.

Под товаром в обороте, как объектом залога, мы разумеем совокупность служащего торговым целям имущества, находящегося в постоянном движении в смысле отчуждения отдельных предметов или частей этого имущества и пополнения его другими, входящими в торговый ассортимент данной товарной массы, находящейся в обороте.

В какие же условия должен быть поставлен такой объект, чтобы удовлетворять требованиям, установленным нами для возникновения вещного права залога, т. е., повторим, чтобы залогодержатель в каждый данный момент мог точно определить и указать, какое именно имущество состоит у него в залоге.

Первым условием для сего должно быть, по нашему мнению, прикрепление объекта залога к определенным обусловленным сторонами складам (хранилищам) с тем: 1) чтобы все имущество, находящееся в этих складах, в каждый данный момент считалось состоящим в залоге и 2) чтобы в соответствии со ст. 92 Гражд. Код. РСФСР на складах (хранилищах) помещались видимые знаки залога находящегося в них товара в обороте.

Нам кажется бесспорным, что товар, заложенный в обороте, вследствие своей подвижности дает возможность залогодателя использовать свое «исключительное» право преимущественного удовлетворения лишь в том случае, если движение товарной массы будет приурочено к определенному месту, т. е. складам (хранилищам), иначе залогодержатель просто не в состоянии будет указать объект залога среди всего имущества залогодателя.

В дальнейшем мы укажем, каким образом с сохранением интересов залогодержателя может быть допущено «дви-

жение» заложенного товара в обороте, теперь же необходимо остановиться на разрешении тех тезисов, которые мы отметили выше при определении первого основного условия, необходимого для оформления залога товара в обороте.

Прикрепление товарной массы, находящейся в обороте, к определенному складу еще недостаточно обеспечит нас от споров с залогодателем и третьими лицами, если мы допустим хранение в этих складах предметов, не заложенных по данной сделке. В этом отношении необходимо установить залоговыми «правилами» решительный запрет помещать в складах хранения товара в обороте предметы, не относящиеся к этому товару. Возможно это сделать лишь в том случае, если «правилами» будет установлено, что всякое имущество залогодателя, находящееся в таких складах, будучи застигнуто там в момент взыскания, должно считаться состоящим в залоге и следует судьбе основной товарной массы.

Остается добавить, что, согласно ст. 92 Гражд. Код. РСФСР, охрана прав залогодержателя требует, чтобы товар в обороте, находящийся на ответственном хранении залогодателя, был снабжен так-наз. «видимыми знаками залога». Само-собой разумеется, что при названной форме залога видимые его знаки должны помещаться на складе (складах) хранения заложенной товарной массы, так как наложение этих знаков на каждую индивидуальную вещь, проходящую через вышеуказанный склад (склады), было бы лишено юридического содержания, как не соответствующее той цели, для которой эти знаки установлены.

Но недостаточно, конечно, охранить залоговое право от посягательств третьих лиц, необходимо особо тщательно определить, в каких условиях должен происходить оборот заложенного товара, чтобы, с одной стороны, не убить основной сущности такого оборота, и, с другой, гарантировать интересы залогодержателя и дать им надлежащую оборону против залогодателя.

Вопрос этот должен быть рассмотрен с двух сторон: во-первых, с точки зрения определения тех пределов, до которых допускается уменьшение товарной массы заложенного в обороте товара, во-вторых, с точки зрения оценки заложенного в обороте товара в каждый данный момент.

Так как в хранилищах (складах) по установившимся условиям товарооборота всегда выявляется некоторый остаток товаров, постоянный по своей стоимости, всегда возможно определить этот «постоянный» остаток, ниже которого не должна опускаться стоимость товарной массы данных складов с тем, чтобы это не нарушило нормального товарооборота, при чем здесь чрезвычайно важно, по нашему мнению, определить: следует ли устанавливать постоянный остаток по каждому складу, если заложенный в обороте товар размещен в нескольких складах, или достаточно установить его для всех складов с тем, чтобы не допускалось в пределах этих складов свободное перемещение товара без предварительного согласия залогодателя.

Вне спора должен, повидимому, стоять здесь вопрос о принципиальной недопустимости перемещения заложенного товара из одного склада в другой без согласия залогодержателя.

На первый взгляд, такой тезис звучит странно, так как товар в обороте находится в постоянном движении и не может считаться прикрепленным к определенному складу (хранилищу).

Но несообразность эта только кажущаяся, здесь идет речь, конечно, о перемещении из одних хранилищ в другие товара в обороте в целом, т. е., иначе говоря, о замене одних хранилищ другими.

Такое запрещение для залогодержателя имеет значение исключительно важное, так как ему в каждый данный момент необходимо точно знать, где именно находится товар, заложенный ему в обороте.

Допущение иной практики привело бы к возможности оспаривания со стороны залогодателя и третьих лиц залоговых прав залогодержателя в том случае, когда необходимость реализовать залоговое право совпала бы с моментом перевода залогодателем объекта залога в другое помещение без ведома и согласия залогодержателя.

Но вышеизложенное не предвещает еще вопроса о допустимости при нескольких складах хранения заложенного в обороте товара определения «постоянного» его остатка для всех этих складов вместе (с протекающим отсюда правом залогодателя без разрешения залогодержателя свободно перемещать товар в пределах этих складов), каковая точка зрения может быть обоснована лишь соображением, что такая практика устраняет затруднения по товарообороту, не нарушая интересов залогодержателя.

Мы склонны думать, что этот довод ошибочен. Во-первых, запрещение перемещать товар из одних складов в другие носит чисто формальный характер, и своевременно заявленные залогодателю по поводу сего ходатайства, разумеется, будут удовлетворяться залогодержателем, если новые хранилища не ставят заложенный товар в худшее положение в отношении его хранения. Между тем, допущение такой практики, при которой залогодатель без согласия залогодержателя мог бы перемещать заложенный в обороте товар из одних складов в другие, хотя бы и заявленные при заключении договора о залоге, создавая затруднения в учете товара, в особенности при большом числе таких складов, лишило бы залогодержателя необходимой охраны его интересов.

В самом деле, как было указано, залогодатель должен быть связан при обороте товара некоторым минимумом (постоянным остатком), ниже которого не может спускаться товарная масса в обороте, находящаяся в залоге. Попижение залогодателем этого минимума должно рассматриваться как растрата ввезенного имущества со всеми вытекающими из этого последствиями. Допустим теперь, что принимается в залог товар в обороте, находящийся в складах, разбросанных по всей территории СССР. Если мы постоянный остаток установили не для каждого склада, а для всех складов вместе, мы не в состоянии будем следить за движением товаров на различных складах, так как недобросовестный залогодатель в каждый данный момент в сомнительных случаях будет указывать, что товар переправлен им на другой склад; для того, чтобы в таких случаях учесть правильность оборота заложенного товара, мы должны будем организовать этот учет так, чтобы иметь возможность получить учетные данные по всем складам на каждый данный момент. Само-собой разумеется, что такой учет практически почти невозможен, а потому оставляет залогодателя безнаказанным при злоупотреблениях с оборотом товара и тем самым лишает залогодержателя надлежащей защиты его прав.

Все это приводит нас к заключению, что постоянные остатки должны определяться для каждого склада отдельно, с неперменным условием, чтобы в каждый данный момент, в каждом данном складе находилось наличие товаров на сумму залоговой оценки постоянного остатка.

Так как товар находится в постоянном движении, необходимо установить такие основания его оценки для каждого данного момента, которые гарантировали бы залогодержателя от произвола залогодателя-собственника.

Таких способов может быть предложено два.

При заключении договора залога залогодатель представляет залогодержателю опись торгового ассортимента товаров, подлежащих обращению на складах (хранилищах) заложенного в обороте товара. Описи должны содержать название товаров и их расценку по рыночной или балансовой стоимости. Согласно вышеуказанного торгового ассортимента залогодержатель определяет сумму товара в обороте, на которую всегда должно оставаться товара, заложенного в обороте, т.-е., иначе говоря, определяет «постоянный» остаток товара в обороте на складе (хранилище).

Само-собой разумеется, если залогодатель пожелает изменить залоговый ассортимент товара в обороте или расценку отдельных его предметов, он должен это сделать с согласия залогодержателя.

По другому методу оценки постоянного остатка—установление залогового ассортимента не требуется. Залогодержатель определяет лишь сумму стоимости постоянного остатка товара в обусловленном хранилище (складе), не стесняя залогодателя в обороте на вышеуказанных хранилищах или складах любого товара по его усмотрению. При таких условиях в каждый данный момент оценка находящегося в хранилищах товара определяется его балансовой стоимостью.

Первый способ установления постоянного остатка товара, заложенного в обороте, разумеется, более обеспечивает интересы залогодержателя, так как последний устанавливает перечень тех предметов, которые могут иметь обращение в хранилищах и их расценку, и, стало-быть, всегда может быть уверен, что в хранилищах заложенного товара последний ему известен как со стороны своего среднего качества, так и со стороны его стоимости; второй же способ, давая возможность иметь в каждый данный момент твердую исходную точку в определении стоимости наличного на складе товара в его балансовой стоимости, все же в известной степени ставит кредитора в зависимость от воли должника, который сам определяет состав обращающегося в хранилищах товара и его расценку.

Здесь уместно будет остановиться на следующем вопросе.

При реализации товара, заложенного в обороте, в складах хранения названного товара могут оказаться предметы, оценку коих нельзя будет определить ни по установленной соглашением сторон расценке предметов залогового торгового ассортимента, ни по балансовой стоимости.

Возникает вопрос, как определить залоговую оценку таких предметов.

Так как ни справочные, ни рыночные цены не дают для сего бесспорной базы, в данном случае единственным выходом будет допустить, чтобы оценку этих предметов устанавливал залогодержатель. Такой способ ничего нового в порядок оформления залогового права не вносит, так как зачастую залогодержатели в соответствующих договорах выговаривают себе право производить оценку и переоценку товара по своему усмотрению.

Иные выводы придется сделать, если допустить вторую трактовку залога товара в обороте, т.-е. если строить его как залог индивидуально определенных вещей, с некоторыми особенностями их хранения, допускающими оборот заложенного имущества.

И здесь необходим ряд моментов, отмеченных нами выше, а именно: прикрепление залога к складам (хранилищам), видимые знаки залога имущества, запрещение перемещать имущество из одних складов в другие без согласия залогодержателя, установление залогового ассортимента и «постоянного остатка», по порядку оформле-

ния залога и моменты возникновения залогового права определяются по иным принципам.

Оформление залогового права должно происходить в этих случаях так же, как и при залоге товара индивидуального, т.-е. составляется оценочная ведомость первоначальной наличности находящегося на складе (складах) товара с тем, что товар этот сдается на хранение залогодателя по обычной сохранившейся расписке, содержащей сверх обычных условий разрешение залогодателя изъятия отдельных предметов залогового объекта с обязательством исполнять его новыми предметами и при условии сохранения постоянного остатка на тех же основаниях, как это установлено при рассмотрении первой трактовки залога товара в обороте.

При таком понимании залога товара в обороте вновь помещенные на склад (хранилище) вещи могут почитаться поступившими в залог лишь в том случае, если на них будет дана залоговая опись, и лишь с того момента, когда эта опись будет представлена залогодержателю, при чем для точности учета придется, по видимому, требовать описи не только вновь поступающих вещей, но и выбывающих со складов.

Нельзя не признать, что эта (вторая) система построения залоговых отношений с точки зрения практической менее удачна, так как вводит систему описей, входящих и исходящих предметов залоговой товарной массы, чрезвычайно затрудняющую оборот, и ставит залогодержателя в чрезвычайно невыгодное положение по отношению к залогодателя, от добросовестности коего в представлении описей на вновь поступивший товар зависит возникновение залогового права банка.

Независимо от того, примем ли мы первую или вторую точку зрения на залог товара в обороте, необходимо признать, что такая форма обеспечения носит в себе элементы большого риска.

Чтобы хотя несколько его ослабить, необходимо предоставить залогодержателю некоторые исключительные права по надзору за объектом залога и по обращению взыскания в случае недобросовестности хранителя.

Эти исключительные права могут быть определены следующим образом. Залогодателя должно быть предоставлено право в любое время проверять количество и стоимость остатка товара на складах его хранения, условия последнего и состояние хранилищ. В целях обеспечения надзора за выполнением принятых на себя залогодателем обязанностей по договору залога залогодержателю должно быть предоставлено право ставить за счет залогодателя артельщиков для наблюдения за составом, состоянием и движением заложенного имущества.

Такие права очень часто выговариваются банками в договорах о залоге индивидуального имущества, оставаемого на ответственном хранении заемщика, тем более они уместны при такой форме залога, когда имущество не только остается на ответственном хранении залогодателя, но подлежит сверх того постоянному движению.

Только полное доверие к солидности клиента при здоровом балансе с ликвидными активами может позволить залогодержателю отступить от этих положений, в обычных же условиях интересы кредитора-залогодержателя настоятельно требуют применения к заемщику-залогодателя всех вышеуказанных форм наблюдения за заложенным имуществом и контроля его движения.

Если мы такие права залогодержателю предоставим, неизбежно возникает вопрос: как быть, если контроль выйдет, что хранение, учет и оборот товара ведется неправильно, с нарушениями интересов залогодержателя.

Последовательность требует, чтобы независимо от уголовных последствий таких деяний залогодержателю предоставлена была возможность пресекать неправомерные действия залогодателя.

Мы полагаем, что залогодержателю для выполнения изложенного необходимо дать право обращать залог товара в обороте в залог имущества индивидуального, под угрозой досрочного обращения взыскания залога при невыполнении залогодателем требования об этом залогодержателя.

Но это право, по нашему мнению, нельзя ставить в причинную связь с нарушением залогодателем прав залогодержателя, так как подобное положение было бы источником постоянных споров между сторонами, когда его можно осуществлять, когда нет.

Казалось бы правильнее было бы дать залогодержателю право в любой момент по его усмотрению обратить залог товара в обороте в залог товара индивидуального с тем, чтобы невыполнение залогодателем запрещения производить продажу товаров в складах хранения товарной массы, заложенной в обороте, давало бы залогодержателю право немедленной реализации заложенного товара с тем, что вырученные суммы или поступали в досрочное погашение долга, обеспеченного залогом, или зачислялись на особый счет залогодателя в банке до учинения окончательного расчета по сделке, обеспеченной залогом, если таковая не допускает немедленной реализации (напр., гарантийная).

Можно было бы, конечно, оговорить еще целый ряд норм, которые так или иначе обеспечивали бы права залогодержателя, напр., по вопросам страхования товара, заложенного в обороте, по охране прав залогодержателя при обращении на товар взысканий третьих лиц, но все они не будут типичны для данной формы залога, почему на них мы останавливаться не будем, полагая, что основные особенности залога товара в обороте мы отметили.

Но мы не исчерпали бы темы до конца, если бы не остановились на вопросе о возможности регистрации сделок о залоге товара в обороте с тем, чтобы такая регистрация сообщала ему гласность и тем охраняла бы права залогодержателя от посягательств третьих лиц.

Принципиально такая регистрация возможна и практически проведена французскими гражданскими законами, которые знают институт ипотеки коммерческих фондов.

Если принять во внимание, что залог товара в обороте будет применяться, по видимому, только банками и крупными госорганами в области оптовой торговли, нам кажется вполне возможным учредить при губ. судах соответствующие регистрационные секретариаты, на обязанности коих лежало бы вести регистрационные книги залога товара в обороте по фирмам.

Чтобы такая система вошла в жизнь, можно было бы обязать всех залогодержателей представлять копии договоров о залоге товара в обороте в регистрационные секретариаты губ. судов под страхом недействительности сделок, а судебных исполнителей обязать при обращении взысканий на то или иное имущество должника предварительно наводить справки в регистрационных секретариатах губ. судов, не состоит ли означенное имущество в залоге как товар в обороте.

Такая практика значительно упростила бы институт залога и постепенно ввела бы наш коммерческий оборот в строгие рамки коммерческой дисциплины.

Вопрос о такой регистрации, разумеется, очень сложен и мы отнюдь не склонны давать готового рецепта ее осуществления, считая важным лишь наметить его в дискуссионном порядке.

Н. Соловьев.

Ответственность учреждений при обращении взыскания на заработную плату.

На страницах «Е. С. Ю.» не раз уже отмечалось, что вопросам гражданского процесса в печати не оказывается того внимания, как процессу уголовному.

Возьмем, напр., ст. 291 ГПК. В этой статье упрощенность схемы получила свое высшее выражение. И так как всякая упрощенность, доведенная до крайности, дает отрицательный эффект, то и эта статья, несмотря на кажущуюся ясность, осталась непонятой и, как результат непонимания, неприменяемой на практике или смениваемой с похожей на нее ст. 295 того же ГПК. А, между тем, цель помещения в Кодексе ст. 291 настолько очевидна и значительна, что можно только пожалеть, что практика не знает, как за нее принятьсь.

Напомним ее содержание. Она устанавливает, что в случаях неисполнения предписания судебного исполнителя об удержании из заработка должника указанной судисполнителем суммы и представления таковой ему, а равно и в случае непредставления отзыва о заработке должника, лица и учреждения, у коих на службе или на работе должник находится, отвечают перед взыскателями в размере подлежащей удержанию суммы.

Таким образом, цель этой статьи—дать гарантию взыскателю, что он будет получать своевременно следуемые ему суммы из заработка должника, так как за неаккуратность в этом случае несет ответственность уже не сам должник, а работодатель. Если мы вспомним, что подавляющее количество взыскателей, претензии которых удовлетворяются из зарплат, относятся к категории алиментарных, то значению этой гарантии, предоставленной им законом, неизмеримо увеличится в своей ценности.

Теперь посмотрим, всегда ли работодатели аккуратно выполняют те обязанности, о которых упоминает ст. 291 ГПК. Не поступают ли—и весьма часто—жалобы на задержку выплаты, иногда по несколько месяцев, не говорят ли иногда судисполнители о том, что они не получают отзыва о заработке должника или получают его лишь после неоднократных напоминаний? Все это имеет место в действительности, наносит тяжелый материальный ущерб взыскателям (являющимся обычно женщинами, взыскивающими алименты), и, однако, о применении ст. 291 ГПК нет и речи, и если бы кто-нибудь вздумал ее применить, то не знал бы как принятьсь за это.

Действительно, что представляет из себя ст. 291 ГПК не только в процессуальном, но и в материальном смысле? В сущности говоря, она дает лишь право на предъявление иска к учреждению или к работодателю при условиях, в ней указанных, и притом в тех именно размерах, которые точно определены в ней. С материально-правовой точки зрения она по отношению к учреждениям развивает положение ст. 407 ГК, устраняя те гарантии для учреждений, которые указаны в означенной статье. Здесь не требуется ни предварительного признания неправильности действий подлежащих лиц учреждения через судебный или административный орган, ни своевременного обжалования этих действий. Достаточно лишь одного: начканц не послал отзыва, бухгалтер или казначей не выслал денег, и уже учреждение ответственно перед взыскателем.

Казалось, чего бы проще? Однако, на практике это не так легко. Во-первых, возьмем непредставление отзыва.

О том, что учреждение не представляет отзыва, известно непосредственно лишь судебному исполнителю, а взыскателю осведомляется об этом лишь в результате жалоб на действия ни в чем в данном случае неповинного судисполнителя. То же и в случаях неуплаты учреждением денег. Естественно, судисполнитель не может вникать к учреждению какого-либо иска по всем этим основаниям, и ему остается лишь одно—сообщить обо всем взыскателю. Однако, много ли найдется таких, скажем, взыскателей, которые будут обладать достаточной энергией, имея уже на руках исполнительный лист по алиментам, возбуждать еще время от времени небольшие иски к учреждениям опять-таки по поводу своих алиментов? Если бы во всех этих случаях имелась возможность взыскания по судебным приказам, это несколько смягчило бы положение. Но так как в наших условиях большинство работодателей относится к госорганам и, кроме того, ст. 210 ГПК не предусматривает подобного основания для выдачи приказов, то остается еще один путь, исковой, достаточно громоздкий для этих взысканий.

Из всего изложенного вытекает, что ст. 291 ГПК после не столько реальный, сколько прокламативный характер, могущий оказать лишь моральное воздействие на указанных в ней лиц и учреждения. Между тем, для иных комментаторов ГПК и это воздействие оказывается чрезмерным. Так, Ф. Шостя в своем комментарии к ГПК под ст. 291 утверждает, что «взыскатель вправе требовать с них (т.-е. третьих лиц и учреждений) подлежащую удержанию в его пользу сумму лишь при неплатежеспособности должника»¹⁾. Автор не объясняет мотивов, приведших его к такому утверждению, ограничиваясь лишь, что так «надо полагать». Однако, путем такого толкования, ничем не обоснованного, и так уже призрачная ответственность сводится к нулю.

Невольно напрашивается сопоставление ст. 291 со ст. 295 ГПК. По последней из указанных статей совершенно аналогичное деяние—уклонение третьих лиц, в том числе и учреждений, от дачи отзыва судисполнителю о денежных суммах и имуществе должника, находящихся у них (третьих лиц),—карается штрафом до 100 руб. по определению нарсуда. Такое воздействие внушительно, скоро и более способно повлиять благотворно на неисправного работодателя, не дающего отзыва о заработке должника, нежели нереальная угроза возможной ответственности в исковом порядке.

Нам кажется, что интересы лиц, обращающих свои взыскания на зарплату должника (а такими взыскателями являются преимущественно женщины-матери), должны быть всемерно ограждены и, во всяком случае, не менее, чем интересы взыскателей, обращающих взыскание на имущество, находящееся у третьих лиц. Поэтому ст. 291 ГПК необходимо пересмотреть и, пожертвовав ее выдержанным в строго догматическом смысле содержанием, приблизить к жизни, расшифровав то основное, ради чего она помещена в Кодексе, а для этого путь один—предоставить право сулу в порядке судебного приказа, по инициативе прокурора (если не будет признано возможным, из-за сохранения принципиальных положений Кодекса, предоставить для ускорения процедуры эту инициативу самому судисполнителю) взыскивать подлежащую удержанию сумму со всех без

¹⁾ Ф. Шостя. «Гражд. Процес. Код». Изд. 2, 1925 год, стр. 302.

исключения неисправных работодателей в случаях, предусмотренных ст. 291 ГПК. Параллельно с этим надо внести соответствующее дополнение и в ст. 210 ГПК.

Такой порядок окажется действительнее штрафа, так как, имея для учреждения, в сущности говоря, штрафной характер, подобное взыскание вместе с тем возмещит

взыскателю материальный ущерб, причиненный неисправностью работодателя. Только такой порядок способен охранить интересы взыскательницы по алиментным делам, избавив ее от подчас бесплодных жалоб, хождений и мытарств.

В. Лучаников.

Статистика преступлений за 1924—25 г.г.

I. Движение преступности.

Преступность статистически не может быть точно определена какой-либо одной цифрой, подобно тому, как, напр., рождаемость или смертность. Число умерших или число родившихся есть величина совершенно определенная, состоящая из однородных, равных между собою случаев, статистические операции с которыми не представляют каких-либо особых затруднений. Совсем не так просто обстоит дело в статистике преступности: здесь исследователь имеет дело с социальным явлением большой сложности, состоящим из совершенно разнородных случаев, при этом регистрируемых различными правительственными органами в различные моменты со времени заявления о преступном деянии до момента окончания возникшего в связи с таким заявлением уголовного процесса.

В виду этого общего единого мерила преступности в сущности нет. По необходимости берут обыкновенно в качестве такого мерила число осужденных, как установленное судебным приговором, тщательно проверенное и очищенное в течение уголовного процесса число несомненных преступников. Но это число, как известно, лишь часть небольшая часть обширного мира преступности. Отпадают все те многочисленные преступления, которые хотя и были совершены, но остались необнаруженными, или даже и были обнаружены, но виновники успели скрыться и остались необнаруженными. Отпадают далее все дела, которые были прекращены уже в течение уголовного процесса по различным основаниям (за недостаточностью улик, за давностью и пр.), отпадают оправданные и освобожденные от суда. Чтобы получить более полное понятие о размерах и характере преступности, необходимо пользоваться данными не только одних судебных приговоров, но и сведениями о различных моментах уголовного процесса (особенно по делам, прекращенным до разрешения по существу), и даже не только данными судебно-следственных органов, но также и органов дознания.

По данным органов дознания (милиции и уголовного розыска), общее число дел о заявленных преступлениях всех видов, включая и тайное винокурение, по четвертям года за последнее время изменялось в пределах одной и той же территории¹⁾ таким образом (см. таблицу в правом столбце).

Числа получаются в общем успокоительного характера: после некоторого подъема в январе—марте 1925 г. общее количество преступных деяний, заявленных милиции и уголовному розыску (случаи двойного учета дел при переходе из милиции в угрозыск исключены), несомненно, понизилось и абсолютно, и относительно. Однако, надо при-

нять во внимание, что это уменьшение произошло исключительно вследствие сокращения по милиции числа дел о тайном винокурении (самогоне). Число этих дел, очень крупное само по себе, подвержено резким колебаниям и

Четверти года.	Абсол. число преступн. деян.	В % к на- чальной четверти года.	На 10.000 населения.
Апр.—июль 1924 г. .	—	—	44
Июль—сентябрь » » .	—	—	47
Окт.—декабрь » » .	399.785	100	52
Январь—март 1925 г. .	442.520	111	55
Апрель—июнь » » .	393.985	98	49
Июль—сентябрь » » .	367.756	92	46

в последнее время пошло необыкновенно быстро на убыль. В январе—марте 1925 г. дел в милиции о тайном винокурении было 164.138, в апреле—июне—95.594, в июле—сентябре—только 55.939, в три раза менее, чем в первую четверть 1925 года. Стремительное падение такого большого числа (до 42% общего числа дел по милиции) повлекло за собою и общее понижение всех вообще дел в органах дознания. Но понизилось именно только количество дел о самогоне, другие преступления за то же время в общем не понизились, а численно повысились. Преступления в большинстве случаев более серьезные, чем изготовление и сбыт самогона, которое к преступлениям в собственном смысле может быть отнесено только в случаях совершения в виде промысла с целью личного обогащения (ст. 140-а УК). При изучении преступности надлежит строго отличать тяжкие формы ее от менее тяжких и на первые обращать преимущественное внимание. Так как дела о самогоне в общей их массе, в особенности без цели сбыта (по делам милиции особо не выделявшиеся), мерилом преступности служить не могут, то их следует скинуть со счетов, чтобы выяснить движение настоящей преступности, действительно угрожающей основам советского строя и правопорядка.

Если вычесть из приведенных выше чисел дел о преступных деяниях, возникших по милиции и уголовному розыску, дела о приготовлении и сбыте спиртных напитков, то получится уже иная картина движения преступности, не столь утешительного характера (см. таблицу на след. стр.).

Здесь мы видим не уменьшение числа преступных деяний, как в первой таблице, а непрерывное увеличение этого числа в течение четырех годовых кварталов с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 г. Правда, увеличение шло, главным образом, по делам милиции (прирост за 4 квартала на 19%); по делам уголовного розыска увеличения почти не было (прирост всего 2%), но так как дел, возникших по милиции, приблизительно в 5 или 6 раз

¹⁾ По 50 губерниям и областям РСФСР. Имеются числа и за вторую—третью четверть 1924 г., но неполные, не хватает нескольких губерний, почему эти числа и не приведены. Относительные числа на 10.000 жит. сообщаются, так как они не связаны безусловно с одною и той же территорией.

больше, чем по уголовному розыску, то в общей сумме получился прирост на 15% в год.

Число возникших дел о преступных деяниях.

Четверти года	По милиции.	По уголовному розыску.	Итого.	В %
Окт.—декабрь 1924 г. .	212.816	61.214	274.030	100
Январь—март 1925 г. .	226.538	62.281	288.819	105
Апрель—июнь » » .	242.223	62.221	304.444	111
Июль—сентябрь » » .	253.767	62.552	316.319	115

Этот общий процент увеличения преступности сам по себе еще не представлял бы ничего тревожного, но некоторые преступления, из числа наиболее тяжких, именно должностные, а также истребление имущества (ст. 197 УК), возросли, по данным милиции, в угрожающих размерах, в особенности, если брать за исходный пункт первую четверть 1924 года. Должностные преступления с января—марта 1924 г. по июль—сентябрь 1925 г. увеличились, по отчетам милиции, на 193%, в том числе растрата и подлог—на 425% (возросли в пять раз), взяточничество—на 88%, злоупотребление властью—на 198%. Поджоги и другие виды истребления имущества за то же время увеличились на 169%. Остальные преступления возросли приблизительно на 35—40%.

Подобного рода проценты увеличения преступности способны навести на грустные размышления, но «не так страшен чорт, как его малюют» по эскизам органов дознания. Материал, собранный органами дознания, в течение производства уголовного дела подвергается длительному процессу отбора, просеивания, выделения действительно преступного элемента из массы посторонних, захваченных в общую сеть милиции. Данные органов дознания ближе, конечно, к моменту совершения преступного деяния, но обыкновенно

страдают неточностью, невыясненностью, нередко ошибочной квалификацией преступного деяния. Весьма многие или скорее даже большинство дел, возбужденных органами дознания, в дальнейших стадиях производства прекращаются по тем или другим основаниям, в особенности по отсутствию в них преступного элемента. Вследствие этого зачастую обнаруживается несходство или расхождение в числах дознания и числах судебных органов по вопросу о движении преступности.

Это различие весьма отчетливо проявилось в последнее время даже по движению общего числа возникших дел о преступлениях (за исключением самогона) и осужденных парсудами и губсудами за эти преступления. Движение это совершенно различно по данным органов дознания и по сведениям судебных органов, хотя числа относятся к одной и той же территории.

Следующая таблица выясняет этот интересный факт.

Четверти 1925 года.	Число дел о заявл. прест. по милиции и уголоврозыску.		Число осужденных нар. и губсудами.		На 10 осужденных сколько дознаний.
	Абсол.	В %	Абсол.	В %	
Январь—март	288.819	100	197.898	100	15
Апрель—июнь	304.444	105	163.748	83	19
Июль—сентябрь . . .	316.319	109	146.994	74	22

Число преступных деяний (не считая самогонки) по статистике дознаний за три четверти 1925 года увеличилось на 9%, а по данным об осужденных за то же время—уменьшилось на 26%. Разница получается не менее поразительная, если возьмем наиболее поднявшиеся за последнее время преступления—должностные и поджоги (ст. 197 УК). Движение их можно проследить по четвертям года, начиная с 1 января 1924 года.

К в а р т а л ы г о д а .	Число должн. прест. по свед. милиц.		Число осужд. за должн. прест. нарсуд. и губсуд.		На 10 осужд. сколько дел милиции.	Число дел о поджогах в милиции.		Число осужд. по 197 ст. УК.		На 10 осужд. сколько дел милиции.
	Абсол.	В %	Абсол.	В %		Абсол.	В %	Абсол.	В %	
Январь—март 1924 г.	7.948	100	5.127	100	15	2.119	100	123	100	172
Апрель—июнь » »	9.764	128	5.766	112	17	2.239	106	153	124	146
Июль—сентябрь » »	13.939	175	4.829	95	29	3.606	170	82	67	431
Окт.—декабрь » »	15.858	200	5.692	111	28	4.655	220	172	140	271
Январь—март 1925 г.	19.216	242	5.655	110	34	3.284	155	133	108	247
Апрель—июнь » »	20.845	262	5.690	111	37	5.553	262	138	112	406
Июль—сентябрь » »	23.314	293	5.784	113	40	5.699	269	135	110	422

В движении приведенных чисел нет прямой противоположности, как по цифрам общей преступности в целом, но непропорциональность тем не менее получается громадная. Должностные преступления по милиции увеличились на 193%, число осужденных за эти преступления возросло только на 13%; на 10 осужденных в январе—марте 1924 г. приходилось 15 дознаний, в июле—сентябре 1925 г.—уже

40 дознаний. По поджогам расхождение еще более показательное: число дознаний увеличилось на 169%, осужденных—на 10%, на 10 осужденных в январе—марте 1924 г. приходилось 172 дела о заявленных поджогах, в июле—сентябре 1925 г.—422 дела. Очевидно, что дела о поджогах не из таких, по которым виновные задерживаются на месте преступления и немедленно передаются в руки правосудия.

Улики против поджигателей установить не легко, но большей части они сводятся к голословным оговорам враждующих соседей, на основании которых построить солидное обвинение мудрено, вследствие чего и оказывается такое несоответствие числа дознаний о поджогах и числа осужденных по ст. 197 УК.

Что касается должностных преступлений, то надо иметь в виду, что не все виды этих преступлений двигались параллельно друг другу, по крайней мере, по числу осужденных. Здесь происходило известное перемещение и отчасти замена одних видов другими. По полугодиям, начиная с 1923 года, состав осужденных за должностные преступления изменялся следующим образом. Из 100 осужденных по 48 губ. и обл. были осуждены за:

	1923 г.		1924 г.		1925 г.
	I пол.	II пол.	I пол.	II пол.	I пол.
Злоупотреблен. властью (ст. 105—108, 110 УК).	45.4	38.1	26.9	26.1	21.4
Растраты и присвоение (ст. 113 УК).	15.8	16.6	21.3	23.6	37.1
Взяточничество (ст. ст. 114, 114а, 115)	29.0	34.4	40.6	35.7	27.4
Служеб. подлог (ст. 116)	4.2	5.3	7.0	8.4	9.9
Ост. должност. преступ. (ст. ст. 109, 111, 112, 117, 118)	5.6	5.6	4.2	6.2	4.2

В первом полугодии 1923 года первое место занимали осужденные по ст.ст. 105—108 и 110 УК (более 45%), на втором стояли взяточники (ст.ст. 114—115)—до 29%, осужденные за растрату были далеко позади (менее 16%). В первом полугодии 1925 года картина совершенно изменилась: первое место заняли растратчики (37%), за ними—осужденные по ст.ст. 105—108 и 110, на третьем месте—взяточники (27%). Осужденные по 113 и 116 ст.ст. УК вместе составляют в настоящее время до 47% осужденных за должностные преступления, а в 1 полугодии 1923 г.—только 20%. Эти числа находятся в известном соответствии с данными милиции, по которым также увеличались, главным образом, растраты, присвоения и подлоги.

За семь годовых четвертей 1924—25 г.г. рост относительного числа осужденных за должностные преступления, принимая число первой четверти 1924 г. за 100, по 48 губ. и обл. выразился в следующих цифрах:

Ст. ст. УК.	1924 г.			1925 г.		
	II четв. ¹⁾	III четв.	IV четв.	I четв.	II четв.	III четв.
105—108, 110	111	83	114	93	82	67
113	101	95	121	161	204	282
114—115	120	96	90	83	69	48
116	109	102	138	153	154	128
Все должн. прест.	112	95	111	110	111	113

¹⁾ Числа первой четверти 1924 г. приняты за 100.

Наиболее усиленный скачок вверх был сделан цифрой осужденных по 113 ст. УК в течение трех первых четвертей 1925 года: произошло превышение уровня первой четверти 1924 г. почти в три раза. Это соответствует уже показаниям органов дознания относительно увеличения числа служебных растрат и подлогов. Зато взяточничество неуклонно падает и в июле—сентябре 1925 года составляет всего 48% числа 1 четверти 1924 г. (958 осужденных против 2.010).

Что касается других преступлений, то из них можно указать, что насильственные формы похищения имущества—бандитизм, разбой и грабеж—не увеличились за последние два года даже и по данным милиции. За первую четверть 1924 г. было по милиции 3.182 дела о бандитизме, грабеже и разбое, за первую четверть 1925 г.—2.551 дело, в третью четверть 1925 г.—2.954 дела. Кража лошадей и крупного рогатого скота (п. «в» ст. 180 УК), соединенная также с кражей во время общественных бедствий, значительно возросла в 1925 г. по данным милиции и уголовн. розыска.

Число дел о краже лошадей и крупного рогатого скота (п. «в» ст. 180 УК).

Четверти 1925 года.	В губ. городах.		В уездах, городах и сел. мест.		Всего.	
	Абсол. ч.	В %	Абсол. ч.	В %	Абс. ч.	В %
Январь—март	1.107	100	8.415	100	9.522	100
Апрель—июнь	1.106	100	10.738	128	11.844	124
Июль—сентябрь	1.032	93	12.313	147	13.345	141

Интересно то, что случаи кражи по п. «в» ст. 180 У. К. увеличились (на 47%) исключительно в сельских местностях и уездных городах. В губернских городах (считая в том числе Москву и Ленинград) эти случаи уменьшились за три четверти 1925 года на 7%. К сожалению, сведения об осужденных по отдельным пунктам ст. 180 УК до текущего года не выделялись, и сравнить данные органов дознания с числами судебной статистики по конокрадству не представляется возможным.

Число дел и осужденных по ст.ст. 140, 140-а, 140-б, 140-в, 140-г и 140-д (о самогоне) подвержено, как уже было упомянуто, быстрым и резким колебаниям по отдельным четвертям года, отчасти по причинам сезонного характера. Максимум возникших дел по милиции о тайном винокурении приходился на январь—март в 1924 и в 1925 г.г. Конечно, на колебания числа дел об изготовлении и сбыте спиртных напитков оказывают влияние и изменения уголовной политики (передача менее важных дел для наложения взысканий в административном порядке) и меры по легализации продажи алкоголя в различных его видах, но точно определить влияние этих мер по четвертям года довольно трудно. Число дел по милиции о тайном винокурении по четвертям года было таково:

Январь—март 1924 г.	166.744
Апрель—июнь 1924 г.	108.081
Июль—сентябрь 1924 г.	103.948
Октябрь—декабрь 1924 г.	147.630
Январь—март 1925 г.	164.138
Апрель—июнь 1925 г.	95.594
Июль—сентябрь 1925 г.	55.939

Минимум июля—сентября 1925 г. очень низок; однако, в июле—сентябре 1923 г. минимум был почти такой же—56.448 дел, хотя тогда и не было налицо тех условий, кото-

рые пьются в настоящее время (легальная продажа спиртных напитков, административные взыскания взамен судебных дел). Данные за октябрь—декабрь 1925 г. (пока еще не разработанные) покажут, было ли снижение в июле—сентябре, главным образом, сезонное или же обуславливалось другими причинами. Число осужденных по ст. 140 и след. народными судами уменьшается, уже начиная с января 1925 г., и притом очень стремительно, перегоняя даже числа милиции. Всего было осуждено за самогон в первое полугодие 1924 г. 109.505 лиц, во второе полугодие—117.449, за первое полугодие 1925 г.—в три раза менее—38.271. По четвертям 1925 г. падение еще больше: за январь—март осуждено 27.085, за апрель—июнь—12.022, за июль—сентябрь—6.146, в четыре раза меньше чем за первую четверть. Такое быстрое снижение числа осужденных уже не может быть объяснено сезонными колебаниями (сокращение хлебных запасов, развитие полевых работ, технические условия изготовления самогона и т. п.), тем более, что число осуждений не совпадает по временам года с обнаружением преступных деяний милицией. Между протоколом дознания и обвинительным приговором суда всегда имеется определенный промежуток времени, ставящий оба момента—начало и конец уголовного процесса—в различные сезонные условия. Падение числа осужденных по делам о самогоне находится, конечно, в связи с передачей дел по ст. 140-г УК для наложения взысканий в административном порядке.

Следует упомянуть еще об одном преступлении, возбуждавшем некоторую тревогу своим ростом, именно о хулиганстве (ст. 176 УК). По данным милиции и уголовного розыска, хулиганство до 1926 года не выделялось из общей группы менее тяжких преступлений против личности, так что проследить его движение можно только по числу осужденных.

Общее число осужденных за хулиганство в пределах 48 губерний было таково:

I полугодие 1923 г.	4.836
II » 1923 »	7.136
I » 1924 »	10.257
II » 1924 »	12.376
I » 1925 »	4.993

В течение 1923—24 г.г. число осужденных за хулиганство возрастало действительно ускоренным темпом, увеличившись за 2 года более чем в два с половиной раза. В первом полугодии 1925 г. это число неожиданно вернулось к уровню 1 полугодия 1923 г. Такое внезапное улучшение произошло, конечно, только благодаря изменению подсудности хулиганства и передаче всех дел по 1 ч. 176 ст. в административные органы.

Некоторые дополнительные сведения об осужденных за хулиганство по четвертям года можно иметь по г. Москве и Московской губ. (О числе осужденных по 176 ст. УК нар. судами, а в исключительных случаях и губсудом, см. таблицу в правом столбце).

Число осужденных за хулиганство по г. Москве до 1925 г. значительно превышало то же число осужденных

Четверти года.	Число осужденных:					
	По г. Москве.		По Моск. губ.		Итого.	
	Абсол. ч.	В %	Абсол. ч.	В %	Абс. ч.	В %
I четв. 1924 г.	1.139	100	383	100	1.522	100
II » 1924 »	1.092	96	483	126	1.575	104
III » 1924 »	839	74	589	154	1.428	94
IV » 1924 »	739	65	676	177	1.415	93
I » 1925 »	110	—	137	—	247	—
II » 1925 »	160	—	125	—	285	—
III » 1925 »	290	—	195	—	485	—

по Московской губ. (хотя в Москве в 1925 г. было не более 44% общего населения). Но в Москве число осужденных хулиганов в 1924 г. шло на убыль, сократившись в течение года на 35%, а по губернии то же число повышалось и за год увеличилось на 77%, так что в последнюю четверть 1924 г. оба числа почти сравнялись. Затем была выделена (16 октября 1924 г.) 1 и 2 ч.ч. 176 ст. УК, в ведении нар. судов осталась лишь 2 ч. этой статьи. Число осужденных по 176 ст. за 1 четверть 1925 г. сравнительно с четвертым кварталом 1924 г. сократилось по г. Москве в семь раз, а по Московской губ.—в шесть раз. В 1925 г. начался, однако, новый подъем хулиганства, оставшегося подсудным народным судом, подъем особенно заметный по г. Москве (за три четверти года увеличение более чем в два с половиной раза). По всей губернии также произошел подъем хулиганства, но менее решительный, чем по столице. Конечно, в случаях хулиганства, караемого в настоящее время в административном порядке, по всем вероятностям, не пошла на убыль, а продолжали увеличиваться если не по г. Москве, то по Московской губ., как то было в 1924 г.

В общем можно прийти к тому выводу, что преступность, по крайней мере, преступность доказанная, установленная по приговору суда, проявляющаяся в опасных для советского правопорядка формах, за последние годы не увеличивается в целом. Растут не те преступления, которые вызываются нуждой или экономическими невзгодами вообще. За последние кварталы 1925 г. замечаются, даже по данным милиции, случаи снижения некоторых имущественных преступлений. Нельзя также видеть главную причину роста преступности в увеличении потребления алкоголя: этому противоречит слабый рост случаев убийства и тяжелых телесных повреждений. Несомненно, увеличиваются хулиганство и разные мелкие нападения на личность, оскорбления и т. п. Но эти случаи уже выходят из пределов настоящей преступности. Вообще же по данным органов дознания судить о росте преступности можно лишь с большими оговорками. Очевидно, что среди всякого рода заявлений и жалоб, подаваемых гражданами, очень много преувеличений, неточностей, неправильной квалификации деяния и т. п.

Е. Тарновский.

(Окончание следует).

Народный судья как общественник.

(По материалам отчетов губ. и обл. судов за 1925 г.).

Общественно-политическая деятельность народных судей и народных следователей в течение 1925 г. принимает все более организованный характер, разветвляется и углубляется по определенному плану, получает общее направление и руководство со стороны губернского (областного) судебного центра, а в отдельных губерниях постепенно подвергается все более точному учету и освещается в отчетах большей части губернских (областных) судов. Отчеты отдельных судов, в том числе Брянского, Вятского, Гомельского, Костромского, Московского и Самарского губсудов и Уральского областного суда отмечают подробное обсуждение на пленумах вопроса о необходимой постановке работы в деревне, на основе директив циркуляров Наркомюста 1925 г. за №№ 37 и 50. Сводная ведомость о движении общественно-политической деятельности нарсудей и нарследователей в направлении популяризации основ советского права среди трудового населения характеризует весьма значительный рост этой деятельности в 1925 г. сравнительно с предыдущими годами. По неполным сведениям отчетов губернских (областных) судов, нарсудьями проведено за год 14.576 докладов, лекций и собеседований по вопросам советского права в самой гуще рабоче-крестьянских масс. По полугодиям это количество выступлений народных судей распределяется следующим образом: за первое полугодие материалы отчетов указывают всего 3.303 доклада и беседы на широких собраниях трудящихся по вопросам советского права. За второе полугодие 1925 г. отчеты отмечают уже 11.273 проведенных народными судьями доклада и беседы, т.е. почти в три с половиной раза больше против числа выступлений нарсудей на массовых собраниях в течение первого полугодия. К сожалению, мы не обладаем достаточными цифровыми данными, которые характеризовали бы на 100% работу народных судей по популяризации советского права и проведению в массы основ революционной законности. Однако, уже приведенных выше данных достаточно для того, чтобы заключить, что наметившаяся в начале 1925 г. заметная тенденция к росту общественно-политической деятельности работников юстиции в низах трудового населения крепнет с каждым месяцем и дает все более положительные результаты. Увеличение числа выступлений нарсудей на 340% за второе полугодие по сравнению с первым, 14.576 лекций, докладов, бесед на правовые темы в 1925 г. против случайных замечаний 3—4 губсудов об этой деятельности в 1924 г. являются показателем усвоения нарсудьями лозунга: «лицом к деревне» и правильного подхода органов советской юстиции к вопросу действительного проведения в жизнь начал революционной законности и правового воспитания рабоче-крестьянских масс.

Следует отметить, что во II полугодии 1925 г. заметное место в деле обслуживания населения докладами и лекциями на правовые темы занимают и народные следователи, наряду с нарсудьями, как основным проводником в массы знаний основ советского права. В то время, как в отчетах за I полугодие отмечались лишь случайные сведения об общественно-политической деятельности нарследователей, данные отчетов за II полугодие 1925 г. удостоверяют, что нарследователями проведено уже 195 лекций, докладов и собеседований на широких собраниях трудящихся. Данные эти, несомненно, указывают, что пока это только начало. Все же они дают основание к заключению о том, что нарследова-

тели отдельных губерний уже доказали, что их положение, как работников в органах советской юстиции, сводится не только к отправлению прямых служебных обязанностей, но что знание ими советского права и работа в органах юстиции обязывает их быть также хорошими общественниками, хорошими проводниками основ советского права в массы трудящихся и этим содействовать культурному воспитанию рабочих и крестьян Советской Республики. Что касается работников губсуда, то сводная таблица о их деятельности за 1925 г. приводит более скромные данные о числе их выступлений на широких собраниях с пропагандой советского права. За II полугодие 1925 г. членами губ. (обл.) судов и запасными судьями проведено 844 доклада, лекции и беседы по вопросам советского права. Можно с полным основанием утверждать, что количество отдельных выступлений работников губсудов было значительно больше. Опыт работы губ. (обл.) судебных центров вызывает, что члены губсудов по своему общественному положению, по неразрывной связи с теми массами рабочих и крестьян, которые выдвигают их на судебную работу, неизбежно считают органической частью своей работы общественно-политическую деятельность как по директивам партии, так и руководящих органов юстиции. Известно, напр., что ежегодная кампания по переизбору нарсудей проводится при непосредственном участии в ней работников губернского суда. Кроме того, выездные сессии губернских судов для разрешения дел на местах сопровождаются, сплошь да рядом, докладами и собеседованиями членов губсудов на собраниях трудящихся по вопросам права. Но эта деятельность не находит себе пока достаточно полного отражения в цифровых данных в периодических отчетах. Точно также отчеты губ. (обл.) судов не уделяют достаточного внимания освещению существа этой деятельности и ее результатов. Поэтому нам приходится удовлетворяться далеко не полными сведениями, которые приведены в отчетах отдельных губ. (областных) судов. Задачей ближайшего времени в направлении устранения недостатков этой важной деятельности судебных работников является построение и выполнение плана работы по проведению популяризации права в массах трудящихся и по общественно-политической работе и организации соответствующего учета объема и существа этой деятельности, как работников губсуда, так и нарсудей и нарследователей. Положение судебных работников в системе органов диктатуры пролетариата обязывает их органически сочетать свои должностные обязанности с широкой общественной деятельностью в массах трудящихся. Объем и качество этой работы должны освещаться в периодических отчетах судебных учреждений не менее внимательно, чем непосредственно судебная деятельность нарсудей и нарследователей.

Для более подробной характеристики общественно-политической деятельности нарсудей и нарследователей отдельных губерний и областей приводим некоторые данные из отчетов губ. (обл.) судов за II полугодие 1925 г. (Общественно-политическая деятельность за I полугодие 1925 г. нами освещалась в №№ 35 и 36 «Е. С. Ю.» за 1925 г.).

Отчеты за 3-ю четверть года в общем мало уделяют внимания общественно-политической деятельности судебносудебных работников, так как это время совпадает с очередными отпусками судебносудебных работников, с одной стороны, и с усиленными полевыми работами, а

также связанными с уборкой урожая заботами крестьян, с другой, что не может не вызывать затишья в общественной деятельности судей и нарследователей.

А л т а й с к и й губсуд сообщает, что нарсудьями и следователями за последнюю четверть 1925 г. сделано докладов на широких собраниях граждан—9, на женских конференциях—5, проведено бесед по праву на широких собраниях трудящихся—15, бесед о революционной законности—23, докладов призывникам в Красную армию о льготах призываемым—3, а всего за четверть проведено 73 доклада и беседы.

Отчет о деятельности А с т р а х а н с к о г о губсуда за последнюю четверть 1925 г. сообщает, что во многих селениях нарсудьями велись собеседования с крестьянами на темы: «о половых преступлениях, о задачах юридических ячеек, о роли и значении защиты в суде, о браке, семье и опеке, о земельном праве, о советском суде» и пр. В селе Харабахлях проведена инсценировка суда над допризывником, а в Елотаевске дискуссия по вопросу о браке и семье. За второе полугодие 1925 г. нарсудьи провели 86 докладов и бесед на правовые темы на широких собраниях трудящихся.

А м у р с к и й губсуд сообщает, что уездные нарсудьи за 4-ю четверть сделали 14 докладов на темы: о задачах советского суда, о народных заседателях, о Земельном Кодексе, о Лесном Кодексе, об актах гражданского состояния, о комитетах крестьянской взаимопомощи, о революционной законности. «Почти все нарследователи принимают участие в работе справочных столов при избах-читальнях». По неполным сведениям за год нарсудьями сделано 30 докладов по интересующим население вопросам советского права.

В л а д и м и р с к и й губсуд характеризует общественную деятельность судебно-следственных работников следующим образом: «Общественная работа все больше и больше развивается... Губсуд поставил вопрос о необходимости использования судработников как по политической и советской линии, так и в особенности по популяризации суда и права по общему плану политико-просветительной деятельности уезда и волости. Нарсудьи принимают активное участие в организации изб-читален и в инструкторовании избачей; они дают также советы населению при выездах по вопросам права». Количество справочных столов, в которых судработники проводят общественную работу, равно 121. Некоторые нарсудьи и уполномоченные проводили кампании перевыборов в течение продолжительного времени, до 1 месяца. Докладов сделано нарсудьями 295, при чем количество их растет. В последнюю четверть 1925 г. нарсудьи провели 162 доклада и беседы.

В я т с к и й губсуд в заседании пленума от 16 ноября 1925 г., между прочими указаниями обрешиванным участникам нарсудов, предложил: «усилить общественную деятельность, которая должна выражаться в докладах на сельских сходах и собраниях по ознакомлению крестьянства с советским правом, в регулярных беседах с нарзаседателями по ознакомлению их с правами и обязанностями нарзаседателей, организуя эти беседы в свободное от судебных заседаний время; взять на себя руководство в деле постановки справочной юридической работы в избе-читальне, внести в работу плановость».

За 1925 год нарсудьи Вятской губернии сделали 700 докладов и провели бесед на правовые темы. Отчеты губсуда отмечают заметный рост общественно-политической деятельности по четвертям года. Работа носит плановый характер. В каждой волости имеется обслуживаемое нарсудьей справочное бюро при избе-читальне или ВИК'е.

В о р о н е ж с к и й губсуд сообщает лишь отрывочные сведения о работе членов губсуда по популяризации совет-

ского права. Всего проведено 54 доклада. Председатель губсуда, два члена и один нарсудья г. Воронежа участвовали продолжительное время (до 2-х месяцев) в кампании по перевыборам сельсоветов. Общественная деятельность нарсудей и нарследователей не освещалась ни в одном отчете губсуда.

Деятельность И р к у т с к о г о губсуда в области популяризации основ советского права и общественной работы вообще растет с каждым кварталом. Отчет за первую четверть 1925 г. не содержит никаких данных о количестве докладов и бесед нарсудей, за вторую четверть проведено 20 докладов по вопросам права, за третью четверть нарсудьями губерний проведено 35 докладов и бесед и за четвертую четверть уже 68 докладов. Всего за год нарсудьи провели 123 доклада и беседы по вопросам советского права. Тематика докладов являлись: брачное и семейное право, революционная законность, карательная политика Советской власти и пр. Члены губсуда сделали за второе полугодие 1925 года 39 докладов на правовые темы.

К а л м ы ц к и й облсуд сообщает, что «предпринятая облсудом только во втором полугодии отчетного года попытка втянуть в общественную работу деятелей пизового судебно-следственного аппарата увенчалась отчасти успехом», что «некоторые из нарсудей еще не раскачались, но сознавая, видимо, всей важности этой деятельности».

Облсуд все же отмечает некоторый сдвиг в общественной деятельности судебно-следственных работников. «Организованы юридические кружки под руководством нарсудей некоторых пока участков; в центрах улусов Багацохуровского, Маньчского, Калм-Базаринского и Яндыковского работают юридические кружки, ставящие себе целью наряду с правовым просвещением населения также удовлетворение его практических запросов...» «Некоторые нарсудьи развивают довольно активную работу в форме консультаций при женотделах, избах-читальнях, а также путем отдельных выступлений на собраниях трудящихся по правовым вопросам».

Облсуд К о м и (зырян) в отчете за четвертую четверть 1925 года пишет: «доклады и беседы среди населения в последнее время ведутся почти всеми судьями, использующими для этой цели, помимо общих собраний в местах постоянных камер, все случаи выездов судей с сессиями. Доклады делаются на зырянском языке, так как все судьи—зыряне по происхождению. По поводу посещаемости собраний и заинтересованности докладами судьи сообщают: «Количество присутствовавших на каждом из докладов колебалось от 80 до 200 с лишним человек, и не будет преувеличением, если отметить, что эти доклады явились переломным моментом посещаемости нардома населением».

Народные судьи и нарследователи К о с т р о м с к о й губ. провели за 1925 год 224 доклада и беседы на разные темы по вопросам советского права. По четвертям количество докладов и бесед дает следующее движение: за первую четверть проведено 45 докладов и бесед, за вторую четверть 15, за третью 57 докладов и за четвертую четверть уже 104 доклада и беседы на правовые темы на широких собраниях трудящихся.

В кантонах М а р и й с к о г о облсуда проводились нарсудьями доклады об уголовном праве, о гражданском праве, о семейном праве, юридической помощи населению, о революционной законности, советское право и женщина, о структуре советского суда и пр.

Н и ж е г о р о д с к и й губсуд сообщает: «В целях поднятия активности нарзаседателей и правовой грамот-

ности 22 нарсудьи вели беседы с нарзаседателями до разбора дел и после разбора».

Нарсудьи во многих случаях состоят членами политических и хозяйственных общественных организаций.

Темы докладов и бесед были следующие: о революционной законности, о земельном и лесном праве, о судоустройстве, о карательной политике советского суда, о правах женщины в семейных и имущественных спорах, о правах нарзаседательниц, о значении кооперации, о борьбе с хулиганством и пр.

Рабочие завода «Красное Сормово» после доклада судьи о борьбе с хулиганством просили: «почаще ходить и знакомить с революционной законностью». Из имеющихся в губсуде сведений отменяется, что за четвертую четверть 1925 года 47 нарсудей провели 174 доклада и беседы. Всего за год нарсудьи сделали 849 докладов и бесед.

Ново-Николаевский губсуд сообщает, что «выполнение нарсудьями общественной работы, указанной в циркуляре НКЮ № 50 1925 г., представляется в следующем виде: по делам, где затрагивались интересы матери и ребенка, в качестве нарзаседателей приглашались женщины, и дела эти рассматривались вне очереди; женщинам-крестьянкам и работницам нарсудьи оказывали помощь советами, разъясняя их права, и при рассмотрении дел, где женщина являлась обиженной стороной, проявляли инициативу в выяснении обстоятельств дела». У большинства судей установлена связь с женотделами. Она выражается в постоянной информации женотделов по правовым вопросам, в посещениях делегатками от женотделов судебных заседаний. Нарсудьи сообщают, что делегатки проявляют большой интерес к судебному делу, а нарсудьи разъясняют им вопросы советского права. Нарсудьи выступали с докладами на женских собраниях об охране прав женщины, о брачном и семейном праве ранее и теперь и пр. Всего докладов сделано нарсудьями за четверть—28.

Общественно-политическая деятельность работников Новгородского губсуда характеризуется в отчете за последнюю четверть следующими данными: нарсудьями и нарследователями сделано 255 докладов партийным, советским и профессиональным организациям. Точных данных о количестве докладов и бесед по вопросам права на широких собраниях рабочих и крестьян губсуд не приводит, в виду непредставления их нарсудьями. Однако, отчет губсуда отмечает, что «в общественной работе судебного-следственных работников за отчетный год необходимо отметить значительный сдвиг».

Рязанский губсуд отмечает, что «многие нарсудьи не дают точных сведений о всех докладах и беседах на правовые темы». Все же работа за четверть характеризуется числом 187 докладов нарсудей по правовым вопросам. Члены губсуда сделали за то же время 88 докладов. За второе полугодие 1925 г. проведено нарсудьями 318 докладов по вопросам права.

В Самарской губ. общественная деятельность судебного-следственных работников по популяризации права проводилась, главным образом, в справочных столах. Справочных столов по пяти уездам существует 35. Нарсудьи дают обращающимся разъяснения по вопросам советского права, проводят собеседования, делают доклады, отчитываются перед населением в своей деятельности. За год проведено докладов 177, проведено бесед на правовые темы 99, сделано докладов на совещаниях нарзаседателей 170. Всего выступлений нарсудей и нарследователей за год отчеты отмечают 446.

Тверской губсуд пишет в своем отчете: «Общественная работа в последнем квартале значительно ожи-

вилась. Если в третьей четверти было сделано 120 докладов, то в отчетном квартале количество докладов значительно возросло». По данным отчета за второе полугодие 1925 г. нарсудьи и следователи губернии провели всего 555 докладов и бесед, из них 120 в третьей четверти и 435 в четвертой четверти. Губсуд отмечает при этом, что эта работа «начинает проводиться на местах в плановом порядке с участием в ней других советских органов».

Тульский губсуд отмечает, что он «одною из важнейших задач судебной работы считает деятельность по ознакомлению населения с судебной работой, вовлечению в нее широких масс трудящихся и популяризации права, в целях внедрения революционной законности». Для достижения этой задачи губсудом было предложено судебно-следственным работникам широко освещать свою работу перед общественными советскими и партийными организациями, перед рабочими на фабриках и заводах, на крестьянских собраниях, съездах, конференциях, ставить доклады на правовые темы по наиболее интересующим население вопросам, устраивать беседы, вести работу с нарзаседателями и работу по поднятию квалификации органов дознания. За последнюю четверть 1925 г. нарсудьи и нарследователи губернии провели 630 докладов на широких собраниях, из них 184 доклада на крестьянских и женских собраниях и 190 на собраниях нарзаседателей и работников органов дознания. За год нарсудьи провели 1.176 докладов и бесед, т.-е. по 18 докладов в среднем каждый.

Общественная работа Ульяновского губсуда характеризуется следующими данными: за первое полугодие 1925 г. сделано докладов и проведено бесед на собраниях трудящихся на правовые темы всего 45. За второе полугодие нарсудьи и нарследователи провели уже 123 доклада и беседы плюс 12 отчетных докладов о своей деятельности. Данные по четвертям характеризуют рост общественной деятельности: за третью четверть проведено 53 доклада и беседы, за четвертую — 70.

Череповецкий губсуд отмечает, что нарсудьями «сделана большая работа по линии общественной. Цифровых данных за отчетный период по этой работе представлено лишь 9—10 судьями. Они выражаются в следующем: прочитано 39 докладов, проведено 24 собеседования, при чем в одном участке были организованы два вечера вопросов и ответов, на которых присутствовало 150 человек». Губсуд удостоверяет, что на основании имеющихся сведений и остальные нарсудьи, не представившие отчетов, провели не меньшую работу по популяризации права среди низового населения.

Ярославский губсуд в конце отчетного года провел большую кампанию по переизбору нарзаседателей. Работники губсуда обслуживали 70 общих собраний рабочих и служащих своими докладами о роли и задачах пролетарского суда и об обязанностях народных заседателей.

Нарсудьи Ярославской губ. за четвертую четверть 1925 г. провели 230 бесед и докладов по вопросам права. По отдельным уездам количество бесед и докладов колеблется от 12 (Н.-Володарский) до 56 (Рыбинский).

Доклады делались, главным образом, на темы: «пролетарский суд и роль нарзаседателей», «семейное и брачное право», «о разделе крестьянского двора», «о наследовании в крестьянстве», «о крестьянском дворе и правах члена двора», «об уголовной политике», «о гражданском праве» и пр. Кроме того, проведен нарсудьями ряд вечеров вопросов и ответов на правовые темы. Губсуд отмечает, что работа проводится достаточно полно. Всего за год нарсудьи провели 515 докладов и бесед.

Приведенные нами данные характеризуют несомненный количественный рост выступлений народных судей и преследователей на широких собраниях трудящихся с пропагандой основ советского права. Очередные задачи губ. и обл. судов в направлении необходимого руководства этой важной деятельностью должны заключаться в постановке надлежащего учета общественно-политической ра-

боты суд.-следорганов как в отношении объема, так и существа проделанной работы, в разработке общего плана указанной деятельности в пределах губернии (области) и в постоянном содействии низовым работникам в их деятельности в смысле изыскания средств на разъезды, снабжения необходимыми пособиями и пр.

Е. Домбровский.

Деятельность прокуратуры по организации общественных обвинителей за 1925 год.

(Итоги и очередные задачи).

В 1925 г. так же, как и в прошлом году, одной из существенных форм политработы прокуратуры являлась организация института общественных обвинителей. Работа эта преследовала ту же задачу, что и в 1924 году, — вовлечение в активное отстаивание революционной законности и борьбу с ее нарушителями наиболее сознательных рабочих от станка и наиболее передовых крестьян от сохи.

Общественные обвинители по отношению к прокуратуре до известной степени призваны играть роль, аналогичную той, какую народные заседатели имеют в нашем судебном аппарате. Общественные обвинители — опорные пункты советской прокуратуры, то звчатое колесо, при помощи которого втягиваются и более широкие массы.

1925 г., не ставя здесь каких-либо новых, по существу принципиально отличных задач, сравнительно с 1924 г., однако, не является одним лишь повторением прошлого года и характеризуется в области организации общественного обвинения, прежде всего, значительным количественным ростом как числа общественных обвинителей, так и числа выступлений их в судебных процессах.

В отношении последних имеем следующие, начиная с 1923 г., весьма характерные данные:

Состоялось выступлений общественных обвинителей:

1923 г.	1 п.	1924 г.	2 п.	1924 г.	1 п.	1925 г.	2 п.	1925 г.
2420		3981		4679		7123		8489.

Сравнительные данные о росте самого числа общественных обвинителей могут быть приведены лишь по некоторым отдельным прокуратурам, отчеты которых содержат соответствующие сведения.

В Смоленской губернии, напр., имеем в 1-м полугодии 1925 г. 327 общ. обвинителей, во 2-м — 587; в Тульской губ. в 1924 г. — 87 общ. обвин., а в 1925 г. — 394; в Ульяновской губ. общественных обвинителей было в 1-м полугодии 1924 г. — 339, во 2-м полуг. — 295; в 1-м полугодии 1925 г. — 404, во 2-м полуг. — 409; в Череповецкой губ. в 1-м полуг. 1925 г. — 130, во 2-м пол. — 261; в Сибири к концу 1924 г. — 455, к концу 1-го полуг. 1925 г. — 501, к 1 янв. 1926 г. (по неполным сведениям) — 817. В Северо-Кавказском крае число общественных обвинителей к концу 1925 г. повысилось на 61,8% в Сталинградской губ. закончена была во 2-м полугодии 1925 г. организация общественных обвинителей по всем уездам и округам, и число выступлений к общему числу их весьма значительно (188 выступлений на 242 общ. обвинителей).

В отношении состава общественных обвинителей, как указывалось за 1924 г., на первых порах наблюдалось в ряде губерний преобладание ответственных работников, не связанных непосредственно с производством, что, разумеется, было искажением идеи института общественных обвинителей.

Такие явления отмечают и некоторые отчеты за 1-е и 2-е полугодия 1925 г.

«До настоящего времени имелось лишь 6 списков общественных обвинителей, куда входили почти все, кроме работников, имеющих непосредственную и настоящую связь с широкими массами рабочих и крестьян, начиная от заводского и кончая шредника, которые, конечно, не могли выступать в судебных процессах в силу своей перегруженности», — замечает последний отчет Псковской губпрокуратуры.

В Тверской губернии в уездах институт общественных обвинителей организовался только во второй половине 1925 г. и состоял преимущественно из ответственных работников.

При ревизиях участковых камер в Вятской губернии установлено, что в списки включены почти исключительно ответственные работники. Из 1867 общественных обвинителей Уральской области 1.133 ответственных работника.

На-ряду с этим приходится отмечать такие, правда, немногие, губернии и области, где институт общественных обвинителей и к концу 1925 г. находится все еще в стадии организации и даже вовсе организован не был (как, например, Киргизская автономная область).

Но указанные явления в 1925 г. встречались реже, и орабоченность состава общественных обвинителей в городских центрах значительно подвинулось вперед.

При переизборах общественных обвинителей в Ульяновской губернии прокуратура поставила своей задачей добиться такого состава, чтобы в городах не менее 60% общественных обвинителей были рабочие от станка. В Забайкальской губ. в составе общ. обвинителей 70% рабочих; прокуратура Сибири распустила существующий кадр общественных обвинителей и перешла к комплектованию этого института из рабочих на предприятиях и низших технических работников государственных и хозяйственных учреждений на основе, главным образом, добровольчества, что дало весьма положительные результаты.

По Северо-Кавказскому краю число рабоче-крестьянской прослойки увеличилось на 25%. Точные сведения распределения общественных обвинителей по социальному положению к концу 1925 г. имеются не во всех отчетах и по отдельным губерниям выразились:

Губернии	Всего.	Рабо- чих.	Служа- щих.	Крест.	Примечание.
Нижегородск.	177	51	126	101	
Пензенск.	320	39	180	101	
Ив.-Вознесенск.	141	99	—	32	
Новгородск.	—	60%	20%	38%	
Сибирь.	817	195	240	153	
Урал.	1867	734	1133	—	734 рабочих и крестьян.

Общий состав общественных обвинителей по г. Ленинграду (за 1 янв. 1926 г.) отчет распределяет на следующие группы: рабочих на производстве—20%, служащих—20%, лиц административного персонала—14%, учащихся—20%, профработников—8%, парторботников—20%.

В Астрахани в числе 80 общественных обвинителей были выделены 40 рабочих от станка, 10 от райкомов ВКП(б), 10—от нацмен, 10—от женщин-работниц и 10 комсомольцев.

В некоторых местах (Москва), главным резервуаром, откуда черпались общественные обвинители, явились административно-правовые секции советов.

В других так же, как это выше было указано в отношении Сибири, были произведены перевыборы общественных обвинителей, при чем в основу перевыборов было положено закрепление тех общественных обвинителей, которые проявили себя активно, выдвижение тех, кто добровольно соглашался работать.

В состав общественных обвинителей привлекались кое-где и рабселькоры.

В отношении распределения состава общественных обвинителей по партийной принадлежности сведений в большинстве отчетов не имеется и таковые могут быть приведены лишь по единичным губерниям, как, например, в Пензенской из числа 320 общественных обвинителей 157 членов ВКП(б) и 163 беспартийных, по Иваново-Вознесенской губ. из 141 общ. обв. партийцев 101 и 40 беспартийных. В Ленинграде из 254—партийных 47.

Об участии рабочих и крестьянок первые, более полные сведения начинают встречаться в отчетах за 2-е полугодие 1925 г., хотя пока в общем и целом говорить о сколько-нибудь значительных размерах этого участия не приходится, но в отдельных случаях имеются известные достижения и в данном отношении.

В Нижнем-Новгороде из числа 177 общественных обвинителей женщин 10, в Серпуховском уезде Московской губ. из 33—4, в Череповецкой губ. из 261—44, в Тверской губ. (губцентре) из 53—11; в Забайкальской—13 из 129; в Сибири 21,7% состава общественных обвинителей состоит из женщин (из 817—125); в Рязанской губ. из 539—37; в Ленинграде—10%. По уездам Иваново-Вознесенской губ. число женщин общественных обвинителей колеблется от 1 до 7.

Регулярные занятия с юридической секцией женщин-делегаток велись Амурской губпрокуратурой. В Томске продолжает существовать коллектив общественных защитниц в качестве секции коллегии общ. обвинителей; социальный состав этого коллектива исключительно пролетарский. В Астрахани проведены были за 2-е полугодие 1925 г. 50 бесед с делегатками женотдела по вопросам права, кроме того, организованы были специальные юридические секции делегаток.

Хотя с большими трудностями, но все же постепенно подвигается вперед развертывание института общественных обвинителей и в деревне.

Привлечение крестьян от сихи здесь часто наталкивалось, как на весьма серьезное препятствие, на боишь рядовых крестьян брать на себя обязанности общественных обвинителей. Об этом сообщали отчеты за первое полугодие 1925 г. (Пензенская и др. губ.), то же констатирует ряд отчетов и за второе полугодие 1925 г. (Порховский уезд Псковской губ.).

В некоторых национальных областях, где еще не изжиты остатки родового быта, выступления общественного обвинителя порождают обиды и кровничество, что, понятно, крайне затрудняет организацию в этих областях постоянного кадра общественных обвинителей.

Но на-ряду с этим наблюдались и такие случаи, когда по отдельным делам сами крестьяне выдвигали общественных обвинителей из своей среды и просили суд допустить выдвигаемого обвинителя вместо очередного (Самарская губ.). Это обстоятельство было учтено Самарской губпрокуратурой при организации общ. обвинителей на 1926 г., и в большинстве случаев кадр общ. обвинителей заполнен выборными на собраниях рабочих и крестьян.

Но преимущественно общественных обвинителей в деревне приходилось и приходится вербовать из состава деревенского партийного и беспартийного актива.

В этой среде идея общественного обвинения встречается по большей части вполне соответственный отклик.

«Хотя выступлений общественных обвинителей пока было мало, но секретари волкомов, члены вижов охотно берут на себя эту работу»,—отмечает докладчик о работе судебно-следственных органов на пленуме Гомельского губсуда.

Прокурор Ярославской губернии пишет: «Мы имеем сейчас уже сведения о наличии общественных обвинителей в некоторых уездах во всех волостях, а в некоторых уездах в волостях только при камерах нарсудов». Ленинградский отчет также констатирует укрепление в районах института общественных обвинителей, многие из которых обнаруживали большой интерес к судебной работе.

Одним из моментов, препятствующих развитию общественного обвинения в волостях, по указанию некоторых отчетов, является отсутствие в волостях защитников, участие которых в процессе обязательно постольку, поскольку допускается участие обвинителя.

Еще более серьезным препятствием является неурегулированность вопроса о вознаграждении общественного обвинителя за отвлечение его от занятий, что дает себя чувствовать не только в деревне, но и в городе.

Центральной Прокуратурой обращалось особое внимание на соответствующую постановку на местах инструктирования общественных обвинителей. Судя по отчетным и отчасти ревизионным материалам, инструктирование общественных обвинителей в течение 1925 г. значительно усилилось. Оно осуществлялось тремя методами: 1) путем индивидуального инструктирования перед выступлением того или иного общественного обвинителя, 2) путем созыва совещаний общественных обвинителей, 3) путем вовлечения общественных обвинителей в юридические кружки. То и другое, разумеется, легче было осуществлять в городе и гораздо труднее в волости.

Инструктивных совещаний с общественными обвинителями состоялось: в Смоленской губ.—7 (за 2-е пол. 1925 г.), Тульской—6, Череповецкой—9 (в 1-м полугод. 1925 г.—3, во 2-м—6), Сибири—26, Уральской области—48 (28 в 1-м пол. и 20 во 2-м пол.).

В Ярославле проводились воскресные еженедельные занятия с кружками общественных обвинителей из числа рабочих, организованными при прокуратуре.

Тверской губпрокуратурой инструктивные совещания созывались регулярно 2 раза в месяц, Амурской—велись еженедельные занятия с группой выделенных профсоюзам общественных обвинителей в 25 человек; на занятиях практически освещалась техника выступления.

В Ленинграде, помимо совещаний, организованы систематические занятия с общественными обвинителями в специальных кружках.

На совещаниях некоторых прокуратур впервые за 2-е полугодие 1925 г. стали ставиться и вопросы о разработке методов занятий с общественными обвинителями, при чем постепенно лекционный метод, как утомительный

для рабочих от станка, наливает дополняться беседами и практическими занятиями.

В некоторых местах работа по инструктированию общественных обвинителей была поставлена слабо; так, напр., в Меленковском уезде за весь 1924 г. было создано всего одно совещание с общественными обвинителями.

В Сибири на округ падает за 2-е полугодие в среднем менее двух бесед с общественными обвинителями.

В Пензенской губернии из всех уездов лишь по одному (Чембарскому) создано было совещание с общ. обвинителями. В самом губцентре еще не удалось организовать действительного кадра, общественных обвинителей.

В Иваново-Вознесенской губ. кадр общественных обвинителей вовсе не выделен в Макарьевском, Середском и Иваново-Вознесенском уездах, да и в прочих уездах, кроме индивидуального инструктирования по делам, по коим намечались выступления общ. обвинителей, другой работы с ними не велось.

Но и указанное выше число инструктивных совещаний по Уралу достаточным признать нельзя.

Наиболее затруднительно инструктирование общественных обвинителей в деревне.

«За данный период — сообщает прокурор Амурской губ. — были организованы группы общественных обвинителей при нарсудах губернии, но работа их, в виду недостаточного руководства, проведена слабо. В уездных же городах она укрепилась».

В некоторых волостях в инструктировании общественных обвинителей принимали участие и народные судьи (Смоленский у.).

Пленум Смоленского губсуда (27 января 1926 г.) по докладу уполгубсуда по Ярцевскому у., между прочим, постановил:

«Имея в виду, что общественные обвинители в общем недостаточно еще подготовлены для выполнения своих обязанностей и учитывая вместе с тем важность участия общественных обвинителей в судебных процессах, — признать необходимым на все происходящие в уездах совещания судебно-следственных работников, наравне с народными заседателями, принимать и общественных обвинителей, чтобы тем самым дать им возможность ознакомиться с действующим законодательством» (§ 1 п. 7 протокола).

В волостях большую помощь прокуратуре в деле систематического инструктирования общественных обвинителей могли бы оказать работающие в волостях народные следователи. Но пока еще весьма немногими губпрокура-турами сделаны были шаги к вовлечению народных следователей в указанную работу.

Качество выступлений общественных обвинителей большинством отчетов характеризуется как удовлетворительное. Общественные обвинители хорошо схватывают

фактическую и бытовую стороны процесса. Участие общественных обвинителей в процессе, в особенности в уездах, обычно вызывает большой интерес населения к процессу.

В губернских и уездных центрах общественные обвинители выступают часто параллельно с лицами прокурорского надзора, в каких случаях, естественно, обеспечивается и лучшее качество самих выступлений. В волостях и нарсудах по большей части общественные обвинители выступают самостоятельно.

Реже встречаются отрицательные отзывы, указания на отсутствие активности, слабое знакомство с нормами материального и процессуального права.

Большинство подобных недостатков в работе общественных обвинителей должно быть, конечно, отнесено, главным образом, за счет недостаточности инструктирования их.

Наиболее ярко проявившие себя общественные обвинители берутся некоторыми прокурорами на учет, как кандидаты для выдвижения на работу по линии судебно-следственного аппарата. За 2-е полугодие 1925 г. в Ульяновской губ. из общественных обвинителей два железнодорожных рабочих были выдвинуты на должность помпрокурора. Должно, между прочим, упомянуть о наметившейся в некоторых местах тенденции по привлечению общественных обвинителей к участию и в гражданском процессе. Принимая, однако, во внимание сравнительно большую сложность норм, регулирующих гражданский процесс и требующих серьезной предварительной подготовки, какой обычно общественные обвинители не имеют, следует прийти к выводу, что упомянутая тенденция не заслуживает поощрения и, по меньшей мере, является преждевременной.

Очередными задачами прокуратуры в области организации общественного обвинения можно считать:

- 1) достижение повсеместной организации института общественных обвинителей;
- 2) продолжение постоянных мероприятий по дальнейшему вовлечению в общественные обвинители рабочего и крестьянского актива (в частности, женщин);
- 3) усиление инструктирования общественных обвинителей и придание ему систематического характера;
- 4) вовлечение в работу по инструктированию общественных обвинителей в волостях народных следователей;
- 5) урегулирование вопроса об установлении вознаграждения общественным обвинителям за время отвлечения их от занятий;
- 6) систематический отбор и выдвижение из числа наиболее активных общественных обвинителей кандидатов на должности помпрокурора.

Н. Лаговзер.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы нотариальной практики.

Тов. В. О. (Гомель) останавливается на тех процессуальных льготах, которые закон (ст.ст. 210 и 187а ГПК) предоставляет сделкам, совершенным и засвидетельствованным нотариальным порядком.

«Законодательство в области гражданского процесса подчеркивает особые преимущества только одной категории нотариальных документов, совершенных по требованию закона. Все остальные нотариальные документы,

совершенные по желанию сторон, почти не имеют процессуальных преимуществ перед документами домашними.

Поскольку все нотариальные документы по сделкам, независимо от того, совершены ли эти документы по требованию закона или по желанию сторон, обладают одинаковой авторитетностью и устойчивостью, как доказательства существования определенных правоотношений, постольку и значение их в гражданском процессе должно

быть равноценно. То условное незначительное преимущество для всех нотариальных документов, какое установлено п. «а» ст. 187а ГПК, свидетельствует, главным образом, о том, что нотариальные документы ставятся наряду с документами, признанными ответчиками, т.е. говорят о бесспорности нотариальных документов, как доказательств. И тем практически здесь очень мало выигрывает, так как немедленное исполнение зависит всецело от постановления суда. Таким образом нотариальный документ не обеспечивает ни быстроты рассмотрения претензии, ни немедленного удовлетворения признанных судом требований. Практика нотариата показывает, что стороны обращаются добровольно к нотариату только по сделкам на большую сумму, где можно опасаться, что при обращении в суд могут быть оспариваемы как содержание, так и факт установления правоотношений по сделкам.

Ст. 210 ГПК допускает применение судебных приказов как по признаку содержания исковых требований, так и по признаку определенных формальных свойств. Главный формальный признак бесспорности и главное основание для выдачи судебного приказа по этой категории документов есть участие в установлении определенного факта (неплатеж по векселю) или содержание правоотношений компетентного государственного органа (нотариата или суда). Поэтому с формальной стороны расширение приведенного положения о выдаче судебных приказов на все нотариальные документы по сделкам препятствий не встречает.

Юридическая природа сделок и договоров, которые могут быть проведены судебным приказом в случае обложения их в формы, предусмотренные п.п. «б» и «в» ст. 270 ГПК, крайне разнообразны и не служат основанием к отказу в выдаче судебных приказов, если не имеется препятствий, предусмотренных ст. 211 ГПК, относящихся к самому содержанию документов. Только недостаточная ясность обязанностей ответчика совершить требуемые действия, необходимость дополнительных доказательств для установления обязанностей ответчика или зависимость ее от условия, наступление которого также требуется доказать, могут служить причиной к отказу в выдаче судебного приказа. Все эти обстоятельства относятся только к области заказывания и могут встретиться не только в каждой добровольной нотариальной сделке, но во многих актах, совершенных нотариальным порядком по требованию закона, и во многих судебных мировых сделках.

Следовательно, если законодатель не ставит возможность получения судебных приказов в зависимости от юридической природы сделок и договоров, то приведенные соображения подтверждают отсутствие препятствий к расширению процессуальных привилегий на все нотариальные документы по сделкам, которые обложены в нотариальную форму и помимо требования законом такой формы.

Сообщение всем сделкам, обложенным в нотариальную форму всех свойств, которые даны законом только одной их категории, несомненно, повлечет к такому же широкому распространению этой формы сделок, какое имеет теперь вексель—наиболее бесспорное, влекущее несложную судебную процедуру и быстрое взыскание—денежное обязательство.

Согласно § 58 инструкции НКЮ от 15/IX—25 г. № 180 при совершении в нотариальном порядке по желанию сторон отчуждения строения, расположенного на земле предоставленной законным порядком в пользование трудовым землепользователям, должно быть представлено, среди других документов, удостоверение волисполкома или райсовета о принадлежности строения.

Тов. К. Попова (г. Сталинград) возбуждает практический вопрос о возможности при таких сделках представления документов не волисполкомами, а сельсоветами.

«Требования § 58 инструкции НКЮ в некоторых местах Хоперского и Усть-Медведицкого округов Сталинградской губ. для продавцов невыполнимо. ВИК отказывает в выдаче подобных удостоверений, объясняя тем, что он не знает кому принадлежат строения, так как подворные списки ведут сельсоветы, к которым и направляют обращающихся. Сельсоветы, ведущие подворные списки, выдают просимое удостоверение, а также справку покупщику (п. 2 § 58 инструкции) о передаче ему усадебного места, находящегося под продаваемыми строениями, а на выписях нотариальных актов, совершенных на этот переход, делают отметки, что строения по книгам сельсовета отмечены за покупщиком. Такой порядок удобен для крестьянства. Сельсовет, как лучше знающий в действительности владельцев строений, вправе выдать ту или иную справку и удостоверение на строение, а также отметить в книгах нотариальный акт. Никакого нарушения закона нет. ВИК сам себя устранил от выдачи подобных документов и возлагает на сельсовет, а последний, согласно п. «д» ст. 7 положения о сельсоветах, обязан выдавать гражданам необходимые удостоверения.

Следовало бы НКЮ по соглашению с НКЗ п. 1 § 58 инструкции дополнить следующими словами: «Или сельсоветам, если ВИК и РИК почему-либо не ведут подворных списков».

Тов. Энгеле (Ялта) останавливается на порядке протеста векселей, писанных сроком по предъявлению во столько-то времени.

«По положению о векселях, векселя могут быть выдаваемы на определенный срок, на срок через столько-то времени по предъявлении и прямо по предъявлении. Вексель, выдаваемый по предъявлении, имеет силу один год, т.е. в течение года со дня выдачи векселедержатель вправе предъявить через нотариуса требование об уплате долга, и в этом случае нотариус обязан, получивши вексель для протеста, послать должнику повестку об уплате долга по адресу, указанному векселедержателем (если адрес неизвестен, то можно протестовать и без посылки извещения, о чем должно быть оговорено в протесте). Вексель же, выданный сроком через столько-то времени по предъявлении, для начала течения срока должен быть предъявлен как бы для акцепта, о чем нотариус делает отметку на векселе или выдает в том удостоверение».

Автор считает неправильной практику местных нотариальных контор. Следует, однако, отметить, что эта практика основана на § 143 инструкции НКЮ от 15/IX—25 г. № 180:

«Местная государственная нотариальная контора векселя, выданные сроком по предъявлении, принимает протест только после того, когда векселедатель сделает на векселе надпись о том, что вексель этот ему был предъявлен, или после того, когда должнику будет послано нотариальное заявление с требованием платежа. Такое требование конторы является совершенно невыполнимым, не говоря уже о лишней трате».

Тов. Энгеле считает требование конторы «совершенно произвольным» и находящимся «в прямом противоречии с положением о векселях».

Обзор советского законодательства за время с 13 по 19 мая 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Уголовное законодательство.

1. Ст. 3 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 24, ст. 205) предоставляет Президиуму ЦИК Союза ССР право в некоторых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение отведенной линии единой карательной политики. На основании этого положения постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 24 августа 1925 г. («С. З. СССР» 1925 г. № 52, ст. 390) установлены меры социальной защиты за шпионаж, который определен, как передача, похищение или собиранье с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контр-революционным организациям или частным лицам. Постановление СНК Союза ССР от 27 апреля об утверждении перечня сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной («Изв. ЦИК СССР» от 13 мая, № 108), раскрывает содержание тех сведений, передача, похищение или собиранье которых является как шпионаж. Это—важнейшие сведения военного и экономического характера: вопросы размещения частей, заведений и учреждений РККА и военной промышленности, а также оборудование, состояние, финансово-производственные планы и производительность последних и вообще промышленности в части выполнения военных заказов. Сюда отнесены также: организация, численность, подготовка, техническое и военное оборудование, финансирование, снабжение и вообще состояние вооруженных сил, приобретение новых средств обороны и изделия и документы, относящиеся к обороне со всеми основанными на них данными. В области сведений экономического характера особо выделены сведения, относящиеся к состоянию валютных фондов, о текущем расчетном балансе и оперативно-валютных планах, подробные сведения о планах и предположениях в области ввоза и вывоза товаров и состоянии экспортных фондов.

Сведения о переговорах и соглашениях с иностранными государствами и о выступлениях Советского Союза в области внешней политики и внешней торговли, не основанные на официально опубликованных данных, сведения о методах и мерах борьбы со шпионажем и контр-революцией, государственные шифры и содержание шифрованной переписки также отнесены к категории специально охраняемой государственной тайны.

Транспорт.

2. Постановление СНК Союза ССР от 20 апреля об урегулировании сроков отпусков и отправки рабочих и служащих на курорты («Изв. ЦИК СССР» от 19 мая, № 113) признает необходимым распределять сроки отпусков рабочих и служащих государственных и кооперативных учреждений и предприятий и общественных организаций равномерно в течение всего месяца, приурочивая их не только к 1 и 15 числу, но и к 5, 10, 20 и 25 числу каждого месяца. Цель—достижение равномерной нагрузки железнодорожного транспорта. Равномерная отправка в дома отдыха, санатории и лечебные заведения в течение всего месяца является обязанностью органов, ведающих этой отправкой. Конкретный план перевозки рабочих и служащих согласовывается до начала сезона ЦУСТРАХ'ом с НКПС.

3. Специальную культурно-просветительную цель имеет в виду постановление СНК Союза ССР от 23 апреля о льготном пассажирском тарифе на проезд в школу и обратно учащихся, детей трудящихся, в зонах пригородного сообщения и на расстояниях, не превышающих 54 километров («Изв. ЦИК СССР» от 15 мая, № 110). На НКПС возложена обязанность установить льготный тариф для учащихся—детей трудящихся. Установлен максимальный предел тарифа—50% пассажирских тарифов. В виду особого характера льготного тарифа, имеющего целью облегчение передвижения учащихся в школу и обратно, он не применяется в канicularное время. Для того же, чтобы побудить и местные советы установить льготные та-

рифы для учащихся при пользовании ими коммунальными средствами передвижения, льготный пассажирский тариф предоставляется лишь в тех местностях, где аналогичные льготы предоставлены и местными советами.

Финансы.

4. Постановление СНК Союза ССР от 4 мая об установлении размеров заработной платы для налоговых работников («Изв. ЦИК СССР» от 14 мая, № 109) основано на том большом значении, которое приобрела налоговая работа в период твердого бюджета и связанной с ним необходимости полного взимания всех установленных законом налогов и сборов. Установлены твердые нормы заработной платы для работников как наружного, так и внутреннего налогового аппарата.

Нормирование заработной платы налоговых работников призвано повысить стимул в их работе, связанной с выполнением определенных заданий государственной важности, направленных к повышению доходов Советского Союза.

5. Постановление СНК Союза ССР от 20 апреля о разъяснении постановления СНК Союза ССР от 1 декабря 1925 г. о порядке разрешения празднования юбилеев («Изв. СССР» от 14 мая, № 109) устанавливает, что предусмотренный этим постановлением («Собр. Зак. СССР» 1925 г. № 84, ст. 634) порядок разрешения празднования юбилеев распространяется не только на празднование юбилеев самими учреждениями и предприятиями, но и на выдачу ими каких бы то ни было сумм на подобное празднование, хотя бы последнее было индивидуальным (отдельные лица).

Торговля.

6. Постановление СНК Союза ССР от 27 апреля о таможенных льготах для товаров, привозимых на Нижегородскую ярмарку в 1926 г. («Изв. ЦИК СССР» от 13 мая, № 108), устанавливает на время с 15 июня по 15 сентября пониженные ввозные пошлины для товаров персидских, турецких и афганских, привозимых на ярмарку по сухопутным границам и по Каспийскому морю.

7. Постановление СТО от 8 апреля о регулировании рынка строительных материалов и строительных инструментов в строительном сезоне 1926 года («Изв. ЦИК СССР» от 15 мая, № 110) имеет основной целью решительную борьбу со спекуляцией и ажиотажем на строительном рынке, обеспечение строительных работ строительными материалами, и инструментами по нормальным ценам, а также проведение в кратчайший срок снижения цен на материалы и инструменты и приведение их в соответствие с ценами на остальные промышленные товары. Образованная при Наркомторге временная комиссия в составе представителей Наркомторга, ВСНХ и НКРКИ получила, между прочими правами, также право проверять все договоры, заключенные государственными и государственными на продажу и поставку строительных материалов и инструментов, аннулировать сделки, заключенные с нарушением утвержденных планов строительства и цен, а также возбуждать вопрос о привлечении к уголовной и дисциплинарной ответственности лиц, нарушающих постановления правительства и временной комиссии по регулированию рынка строительных материалов и инструментов.

При наркомвнуторгах союзных республик, по постановлениям ЭКОСО этих республик, образуются временные комиссии, действующие по директивам Комиссии при Наркомторге Союза ССР.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Финансы.

1. Ст. ст. 27 и 28 положения о едином сельско-хозяйственном налоге на 1925—26 г., устанавливая налогооблагаемый минимум доходов крестьянских хозяйств—для РСФСР (кроме Киргизстана), БССР и ЗСФСР в 25 рублей на едока или 75 руб. на хозяйство, для УССР соответственно в 30 руб. и 90 р., для Узбекистана, Туркменистана и Киргизстана—в 60 рублей на хозяйство,—в то же время предоставляет СНК союзных республик право установления для автономных республик, краев, областей и губерний иные размеры налогооблагаемых минимумов с тем, чтобы общая сумма налога, исчисленная для союзной республики, оставалась неизменной.

Изданное на этом основании постановление СНК РСФСР от 21 мая об установлении необлагаемого минимума по единому сельско-хозяйственному налогу на 1926—1927 год («Изв. ЦИК СССР» от 16 мая, № 111), исходя из конкретных условий данной местности, наличия в ней подсобных неземледельческих заработков и проч., в одних случаях повышает приведенный минимум до 30 руб. на едока и 90 рублей на хозяйство (Иваново-Вознесенская губ., Дальневосточный край и др.), до 33 р. и 100 р. (Московская, Костромская, Тверская и Ярославская) и до 35 р. и 100 р. (Карелия, Коми), в других же случаях понижает их соответственно до 20 р. и 60 р. (Урал, Казакстан, Оренбургская губ.).

2. На основании ст. 17 положения о сельско-хозяйственном налоге издано постановление СНК РСФСР от 12 мая об установлении норм доходности полеводства, луговодства, крупного скота, а равно мелкого, в районах обязательного обложения дохода от него по РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 16 мая, № 111). И в данном случае проведено как повышение, так и понижение ориентировочных норм, установленных для РСФСР ст. 16 положения. Так норма обложения посева, установленная в 40 рублей, повышена, например, для Архангельской губ. до 60 р. и понижена для Астраханской губ. до 15 р. Норма обложения пашни (ориентировочная в 20 рублей) для тех же губерний соответственно составляет 45 р. и 12 р. Соответственно колеблются действительные нормы обложения остальных объектов.

3. Одновременно опубликовано постановление СНК РСФСР от 12 мая об установлении ориентировочных норм доходности садоводства, виноградарства, посевов табака, сгордничества, бахчеводства и пчеловодства, а равно мелкого скота в районах необязательного обложения доходов от него по РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 16 мая, № 111), издано на основании ст. 20 положения о сельскохозяйственном. В обложении этих впервые привлеченных к нему объектов наблюдается еще больше разнообразия, чем в приведенных случаях обложения постоянных и основных предметов обложения. Самые нормы, установленные СНК РСФСР, носят ориентировочный (примерный) характер. СНК автономных республик, краевые, областные и губернские исполкомы устанавливают на основе этих ориентировочных норм ориентировочные же нормы для уездов, округов и соответствующих административно-территориальных единиц. Твердые же нормы для районов и волостей утверждаются лишь окружными, уездными и соответствующими исполкомами.

4. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 8 апреля о понижении с 1925—26 бюджетного года ставок основной ренты для внеселитебных земель сельско-хозяйственного пользования в ряде городских поселений по РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 19 мая, № 113), изданным на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 19 июня 1925 г., установлено понижение ренты для многих городских поселений большинства губерний и областей РСФСР.

5. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля об изменении ст. 11 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 22 декабря 1924 г. о предприятиях и коллективах, организуемых комитетами бирж труда для оказания трудовой помощи безработным («Изв. ЦИК СССР» от 15 мая, № 110), издано на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 8 января 1926 г. о предоставлении предприятиям и трудовым коллективам безработных, организуемым комитетами бирж труда, льгот по налоговому обложению и социальному страхованию («Собр. Зак. СССР» 1926 г. № 1, ст. 4). Соответственно с директивой Союзного Правительства изменена редакция ст. 11 постановления от 22 декабря 1924 г. («С. У. РСФСР» 1925 г., № 1, ст. 4), согласно которой предприятия и коллективы на время нахождения их в ведении комитетов бирж труда, сверх льгот, предоставленных постановлением 8 января 1926 г., освобождаются от всех сборов и пошлин, установленных по РСФСР, от надбавок к общесоюзным налогам и от всех местных налогов и сборов. В случае занятия помещений для нужд не торгового и не промышленного характера коллективы оплачивают помещения и коммунальные услуги на началах, установленных для состоящих на госбюджете учреждений.

Хозяйственное право.

6. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 17 марта о порядке списания убытков от ликвидируемых имуществ государственных предприятий («Изв. ЦИК СССР» от 16 мая, № 111) устанавливает, что убытки списываются за счет прибыли тех же предприятий в размере непогашенной стоимости ликвидируемого имущества.

7. Постановление СНК РСФСР от 23 апреля об урегулировании деятельности государственных строительных организаций («Изв. ЦИК СССР» от 13 мая, № 108) явилось результатом недавно произведенного обследования этих организаций органами НКРКИ и имеет целью упорядочение строительного дела в Республике, осуществляемого государственными строительными организациями, и установление систематического контроля над деятельностью последних. Постановление определяет, что строительные конторы могут быть организованы в двух формах: либо акционерных обществ и паевых товариществ, либо ведомственных и исполкомовских контор по типу трестов. В зависимости от источника образования своего капитала и связанных с ним имущественных прав конторы трестового типа являются центральными либо местными. Установлено необходимое содержание уставов государственных строительных контор; в них должны быть точно обозначены: характер строительной деятельности и территориальное обслуживание; размер основного капитала должен составлять не менее одной двенадцатой предстоящего оборота конторы. Уставы центральных контор утверждаются ЭКОСО РСФСР, уставы местных контор — исполкомами не ниже губернского, применительно к декрету о трестах. С целью обеспечения технического наблюдения за строительными конторами установлена обязательная их регистрация, помимо органов внутрорга, также в управлениях губернских (и соответствующих) инженеров. Деятельность ведомственных и местных контор по приему строительных работ от других ведомств и организаций обусловлена: 1) неполной загрузкой работой того учреждения, при котором они состоят; 2) соответствием работ специальности конторы и 3) непревышением стоимостью этих работ 12-кратного размера свободной части основного капитала или, во всяком случае, одной четвертой части оборотов конторы.

Просвещение.

8. Постановление СНК РСФСР от 21 апреля о мерах по улучшению положения сельского учительства («Изв. ЦИК СССР» от 15 мая, № 110), изданное в целях улучшения положения учителей сельских школ всех типов и обеспечения школьной сети сельских местностей необходимым составом работников, намечает следующие мероприятия: предоставление помещений при школах, отопления и освещения за счет местного бюджета (либо надбавка к заработной плате в размере 10 процентов основного оклада); поездки учителей за счет местного бюджета и в установленном порядке на окружные, уездные, районные и волостные конференции работников просвещения; прием детей сирот и полусирот сельских учителей во все школы социального воспитания и профессионального образования, дошкольные учреждения и детские дома, а также в высшие учебные заведения наравне с детьми рабочих и крестьян и бесплатное обучение во всех этих школах, учреждениях и заведениях; право сельского учительства на ежегодный двухмесячный отпуск и возможное предоставление учителям, проработавшим в сельских школах не менее 5 лет, командировок за счет местного бюджета на курсы по повышению квалификации с сохранением содержания по службе и с выдачей путевого и суточного довольствия.

Постановление вводится в действие с начала предстоящего бюджетного года.

Лесное дело.

9. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 апреля об изменении и дополнении Лесного Кодекса РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 18 мая, № 112) содержит ряд существенных изменений Кодекса, относящихся как к определению состава лесов местного значения, к установлению порядка их выделения и условий пользования ими, так и к установлению новых условий отпуска древесины из лесов общегосударственного значения и к ведению хозяйства в городских лесах. Соответственно изменены ст.ст. 5 (и 1—3 прим.), 6, 7, 10, 23 (и прим.), 24 (и прим. 1—3), 25, 26, 35, 52 и 58. Дополнены статьи 7, 21 и 32 Лесного Кодекса.

Узаконения, утратившие силу.

10. Постановлением СНК РСФСР от 30 апреля утвержден перечень узаконений РСФСР, утративших силу с изданием положения о портовых сборах («Изв. ЦИК СССР» от 15 мая, № 110).

М. Брагинский.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Определения гражд. касс. коллегии.

По кассжалобе И. Аджиевой на реш. Карачаево-Черкесского облсуда по иску кассатора к наследникам Хуранова о признании купли-продажи дома недействительной.

Гр. аула Дударуковского Амфоко Аджиев, опекун малолетних Зубара и Зульфы Аджиевых, детей сына его Магомета Аджиева, убитого во время захвата власти белыми в 1920 г., продал в том же году оставшийся после покойного дом за 105 тысяч рублей так-наз. донскими деньгами гр. того же аула Тепсеруко Хуранову. Вскоре после этого, с приходом Красной армии, Амфоко Аджиев был расстрелян и все его имущество было конфисковано. В ноябре 1921 г., Изючки Аджиева, жена Магомета Аджиева, которая разошлась с ним за несколько лет до его смерти, предъявила иск от своего имени и от имени своих детей, как естественная их опекунша, к наследникам умершего к этому времени Тепсеруко Хуранова Мухарби, Джамбоши и Турухби Хурановым о признании упомянутой выше сделки купли-продажи дома недействительной и о признании права собственности на этот дом за ней и ее малолетними детьми. В заседании от 8 июля 1925 г. Карачаево-Черкесский облсуд нашел, что: 1) Изючки Аджиева, в силу ст. 9 декрета об отмене наследования, не имеет права на имущество, оставшееся после покойного ее мужа, так как давно утратила хозяйственную связь с двором умершего, и что в силу ст. 2 названного декрета право на получение этого имущества должно быть признано за малолетней дочерью истицы, Зульфой Аджиевой (Зубар Аджиев умер во время производства дела); 2) сделка купли-продажи спорного дома, в виду отсутствия указаний на злостный или спекулятивный характер этой сделки, должна быть признана недействительной, на основании ст. 30 Г. К. о последствиях по ст. 151 ГК. Поэтому облсуд определил обязать ответчиков по настоящему делу Хурановых Мухарби, Джамбоши и Турухби возвратить дом малолетней Зульфе Аджиевой в лице ее опекуна и обязать Зульфю Аджиеву в лице ее опекуна возвратить ответчикам эквивалент уплаченных за дом 105 тысяч рублей по расчету суда—1.800 р. зол. Это решение в части, возлагающей на Зульфю Аджиеву обязательство уплаты ответчикам 1.800 руб., было обжаловано в Верховный Суд Изючки Аджиевой, которая указала, что суд обязал ее дочь возвратить вырученные от продажи дома деньги, между тем как деньги эти в распоряжение истицы не поступали, так как все имущество расстрелянного Амфоко Аджиева было конфисковано до их возвращения в аул.

Верхсуд по ГКК в заседании от 21 января 1926 г. вынес по настоящему делу следующее определение:

«Решение облсуда не может быть оставлено в силе по следующим основаниям:

1. Ст. 30 ГК знаменовала собою с самого начала введения в действие ГК беспощадную борьбу со всякого рода злостными, спекулятивными сделками, в частности со сделками на строения и со связанными с такого рода сделками стремлениями восстановить или укрепить в республике советов отношения, покойщиеся на гражданских отношениях дореволюционного времени. В последующее время ГКК находила возможным не всякую сделку, совершенную с нарушением ст. 30 ГК, признавать влекущей обязательно последствия по 147 ст. ГК и в отдельных случаях находила возможным при отсутствии злостности спекулятивности и сознательного нарушения закона, применение общих последствий ничтожности сделок 151 ст. ГК с возвращением сторон на основании этой ст. закона к их первоначальному положению, с зачетом взаимно исполненного по сделке. Что же касается сделок на строения, совершенных в период запрещения такого рода сделок, то ГКК с течением времени выдвинула следующий подход к разрешению незаконных сделок со строениями. Суд каждый раз должен был обсуждать вопрос, была ли сделка злостной, спекулятивной

или совершенной сторонами сознательно с целью нарушить или обойти закон, и второй момент, установилось ли по такой сделке трудовое пользование покупщика. При установлении этих обстоятельств суд может отвергнуть наличие неосновательного обогащения (402 ст. ГК) для трудового приобретателя и оставить строение покупщику только по тому основанию, что создано трудовое пользование покупщика. Что касается другой части сделки—уплаченных за строение денег, то продавец (до декрета от 8/VIII—21 г.), не имея права на самое строение в момент сделки, вне зависимости поэтому от характера сделки, не имел права на деньги, каковые и подлежали обращению в доход государства, как неосновательное обогащение продавца. Таков общий подход, но, конечно, возможны такие конкретные случаи, когда, напр., по отсутствию соответствующего курса денег крайне затруднительно перевести покупную сумму на золото или продавец в свою очередь является трудовым элементом и необходимо по конкретным обстоятельствам дела, оставляя строение в трудовом пользовании покупщика, в свою очередь не взыскивать в доход государства и покупной суммы.

2. По настоящему делу суд признал, что сделка, хотя и недействительная по 30 ст. ГК, не являлась злостной и спекулятивной. Однако, определяя последствия такой сделки, суд по изложенным выше соображениям неправильно применил последствия по 151 ст. ГК, а должен был сказать, что, отвергая злостность и спекулятивность, он отвергает необходимость обращения предмета сделки в доход государства, согласно 147 ст. и 402 ст. ГК и оставляет строение в трудовом пользовании правопреемников Тепсеруко Хуранова, купившего дом, а, с другой стороны, не усматривает оснований на основании тех же статей закона необходимости взыскивать в доход государства с правопреемников Магомета Мурзы Аджаева, после смерти которого строение было продано опекуном Амфоко Аджиевым, денег, полученных за проданный дом. И только. Таким образом, строения остались бы у ответчиков—правопреемников покупщика, а деньги за дом не подлежали бы взысканию в доход государства с правопреемников продавца. Другим основанием к невзысканию с правопреемником продавца денег могло служить, конечно, и то обстоятельство в случае его подтверждения, что правопреемники продавца, как это видно из дела, в январе 1920 г. денег и не получали.

3. С другой стороны, учитывая социальное положение обеих сторон, являющихся правопреемниками умерших уже продавца и покупщика, а также возможно явное несоответствие заплаченной за строения суммы их действительной стоимости, суд мог, не применяя в отношении обеих сторон суровых последствий закона и не обращая в доход государства как строений, так и покупной суммы, а оставляя строения в руках трудовых пользователей—покупщиков (но, во всяком случае, не возвращая их истцу—правопреемнику продавца), компенсировать истца, если только покупная сумма действительно была мала, путем взыскания с ответчиков соответствующей справедливой дополнительной суммы.

4. Решение суда о возвращении дома истцу со взысканием с него в пользу ответчиков 1.800 руб., независимо от изложенных выше указаний, является и нежизненным, ибо истец взамен получаемого обратно дома вряд ли в состоянии выплатить ответчикам 1.800 руб., а в таком случае окажется, что ответчики обратят взыскание в сумме 1.800 руб. на дом и последний останется за ними, а истцу останется воспоминание о выигранном деле, да еще придется заплатить присужденные по решению дела судебные издержки 55 р.

На основании изложенного ГКК определяет: решение Карачаево-Черкесского облсуда от 8/VII—25 года отменить и дело для нового рассмотрения в том составе передать в тот же суд».

(Определение по делу № 33372—25 г.).

В Совнаркome РСФСР.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об изменении ст. 176 Уголовного Кодекса.

Непрекращающийся рост хулиганства по всей территории Республики вызывает необходимость немедленного принятия решительных мер борьбы с этого рода преступностью. Предусматривающая это преступление ст. 176 действующего Уг. Код. РСФСР по незначительности своей санкции даже для случаев квалифицированного хулиганства (лишение свободы на срок до трех месяцев) была признана явно недостаточной в условиях настоящей действительности и вторая сессия ВЦИК XII созыва приняла предусматривающую хулиганство статью (92 проекта УК) не только с увеличенной санкцией, но и установлением уголовной ответственности даже за хулиганство, совершенное в первый раз.

В виду того, что введение в действие нового Угол. Код. РСФСР, требующего окончательной редакционной проработки его, может задержаться на некоторое время, Прокурор Республики по положенным соображениям вошел в Президиум ВЦИК с ходатайством о немедленном введении в порядке ст. 2 постановления 2 сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г. статьи о хулиганстве в принятой 2 сессии ВЦИК XII созыва редакции.

По этому же вопросу в своем ходатайстве во ВЦИК Сибирский крайисполком сообщает, что на территории Сибирского края в настоящее время наблюдается значительный рост хулиганства, как в городах, так и особенно в сельских местностях. Особое развитие хулиганства доказывается тем обстоятельством, что из всех дел, находящихся в производстве органов дознания, 48,5% падает на дела по преступлениям, связанным с хулиганством. Социальная опасность хулиганства усугубляется еще тем, что оно начинает перерождаться в другие, более серьезные формы преступлений и на практике проявляется в убийствах, грабежах, избиениях и часто в действиях, имеющих признаки антисоветского характера, как, напр.: срыв собраний, бесчинства в народных домах, порча стенных газет и т. п.

Такое развитие хулиганства заставило обратить на себя внимание не только органов, призванных на борьбу с преступностью, но и всю общественность, и ряд междоветовственных совещаний и комиссий, а также и общественных организаций заняты сейчас изучением причин роста хулиганства и выработкой реальных мер борьбы с ним.

Несмотря на ряд возможных мер предупредительного характера, которые могут быть приняты по борьбе с хулиганством в данный момент, необходимо выдвинуть и практически провести в жизнь меры судебной репрессии, как наиболее действительные в настоящее время. Однако, существующие меры судебной репрессии, предусмотренные действующим Уг. Код. по делам о хулиганстве, не могут быть признаны соответствующими самому характеру преступлений и его последствиям. Практика дает достаточно доказательств того, что несмотря на жесткое применение наивысшей меры репрессии, предусмотренной Уг. Код., как в судебных, так и в административных органах по делам о хулиганстве, последнее не только не сокращается, но имеет тенденцию к неизменному росту.

Применение судом, как дополнительной меры социальной защиты, конфискации имущества и высылки не достигает цели в тех именно случаях, когда самый характер преступления требует длительной изоляции обвиняемого. На основании сказанного Сибирский крайисполком возбудил ходатайство перед ВЦИК о скорейшем проведении в жизнь принятого последней сессией ВЦИК проекта изменения ст. 176 Уг. Код.

Оба эти ходатайства Президиум ВЦИК направил на предварительное рассмотрение СНК РСФСР, который признал возможным удовлетворить ходатайство Прокурора Республики и Сибирского крайисполкома и принял проект постановления об изменении ст. 176 Уг. Код., согласно которого хулиганство, т. е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, совершенные в первый раз, влечет за собой лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административное взыскание. Если названные действия заключались в буйстве или бесчинстве или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью, — лишение свободы на срок до двух лет.

Проект положения о представительствах краевых (областных) исполкомов в Москве.

Для защиты интересов края (области) и проведения в центральных учреждениях РСФСР вопросов и мероприятий, касающихся как соответствующего края или области в целом, так и отдельных учреждений и предприятий, Президиум ВЦИК постановил предоставить всем краевым (областным) исполкомам РСФСР право иметь в Москве своих представителей, действующих по указаниям соответствующих исполкомов.

Для оформления этого постановления Президиум ВЦИК поручил СНК РСФСР разработать и представить на утверждение Президиума ВЦИК проект положения о представительствах краевых (областных) исполкомов.

Во исполнение этого поручения СНК разработал проект названного положения, по которому в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК и для осуществления указанных в этом постановлении задач представителям краевых (областных) исполкомов предоставляются следующие права: а) участвовать с совещательным голосом в заседаниях центральных органов РСФСР, в междоветовственных и ведомственных комиссиях и совещаниях при рассмотрении вопросов, относящихся к представляемому краю или области; б) вносить в законодательные органы РСФСР по поручению соответствующего исполкома проекты законодательных актов и другие вопросы; в) давать заключения по рассматриваемым вышними органами РСФСР проектам декретов, постановлений, распоряжений и других актов в тех случаях, когда срочность проведения этих вопросов является препятствием для истребования по ним заключений непосредственно от соответствующего краевого или областного исполкома, а последующим сообщением своих действий подлежащему исполкому; г) сноситься с ВЦИК, СНК, Экосо и другими центральными учреждениями РСФСР по возбужденным краевым или областными исполкомом вопросам и наблюдать за прохождением этих вопросов в соответствующих инстанциях; д) докладывать высшим органам РСФСР протесты краевого или областного исполкома и его президиума, а также опротестовывать в установленном порядке от своего имени, в осуществление указаний, полученных от краевого или областного исполкома, постановления Совнаркома, Экосо, Малого Совнаркома и народных комиссаров РСФСР, с последующим доведением о том до сведения представляемого исполкома; е) систематически осведомлять высшие органы РСФСР по всем вопросам, касающимся представляемого края или области, а также регулярно осведомлять президиум подлежащего исполкома и другие органы представляемого края или области о всех возникших в центре важнейших законодательных предположениях и проводимых мероприятиях.

В своей деятельности представитель края (области) руководствуется указаниями соответствующего исполкома и его президиума и ответственность за свои действия несет непосредственно перед президиумом подлежащего исполкома, каковым и назначается.

Представителю края или области присваивается печать с изображением государственного герба РСФСР.

Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР об отмене сообщения сведений в органы НКВД о регистрации обществ, товариществ и других юридических лиц, преследующих цели извлечения прибыли.

Согласно постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1923 г. («С. У.» 1924 г. № 2, ст. 16) и 5 мая 1924 года («С. У.» 1924 г. № 41, ст. 376) органы, регистрирующие общества, товарищества и другие юридические лица, преследующие цели извлечения прибыли, а также промысловые, трудовые и сельско-хозяйственные кооперативные объединения, сообщают о состоявшейся регистрации местным административным органам, на предмет установления за такими обществами, товариществами и др. юридическими лицами административного надзора. Опыт административного отдела Моссовета показал, что действительная необходимость вмешательства административных органов в деятельность этого рода юридических лиц представляется весьма редко, например, при возбуждении уголовного дела, при оказании содействия другим ведомствам при решении обществ и т. п. Но в этих случаях административные органы могут получить нужные им сведения от учреждений, регистрировавших

уставы интересующих их юридических лиц и в сосредоточении у себя всех этих сведений нет необходимости. Далее связь с обществами, товариществами и названными кооперативными объединениями, сведения о которых поступают в момент их открытия в административные органы, последними обычно не сохраняются, так как ни закон, ни инструкции НКВД не обязывают сообщать административным органам о переменах в составе, наименовании, о ликвидации общества и проч., почему надзор за ними не мог бы осуществляться даже в том случае, если бы в этом возникла необходимость.

По изложенным соображениям Совнарком РСФСР по ходатайству Моссовета принял проект постановления об отмене постановлений ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1923 г. о сообщении НКВД или соответствующим местным органам сведений о регистрации обществ, преследующих цели извлечения прибыли, и от 5 мая 1924 г. о распространении декрета от 19 декабря 1923 г. на промышленные, трудовые и сельскохозяйственные кооперативные объединения.

О падении этого законопроекта теряют силу и все имеющиеся на этот предмет ведомственные распоряжения.

В инстипупах и обществах.

Пересмотр декрета о трестах.

(В бюро юрисконсультов госпромышленности).

В настоящее время идет, по заданию СНК СССР, успешная работа по пересмотру основного декрета о трестах от 10 апр. 1923 г.

Основные положения выработанного комиссией, работавшей в ВСНХ СССР, проекта изменений и дополнений декрета и вопросы, возникающие в связи с пересмотром декрета, были предметом информационного доклада на одном из последних заседаний бюро юрисконсультов госпромышленности. В докладе и развернувшихся прениях были, в частности, подвергнуты обсуждению следующие вопросы:

1. Достаточно ли правильно, с точки зрения сложившегося порядка и выявленных черт трестов, то определение, которое дано гос. трестам в ст. 1 декрета от 10 апр. 1923 г., и не следует ли ввести в это определение (как заимствовано упомянутой комиссией) указание на выполнение трестами их работы в пределах планов, устанавливаемых подпадающими высшими правительственными органами. При этом отмечена была задача дать такое определение треста, которое бы ясно указывало практическому работнику-хозяйственнику существо и направление трестовской работы.

2. Каково наиболее правильное построение имущественных прав треста: находятся ли все предметы, составляющие выделенное в трест имущество, в пользовании, владении и распоряжении треста (как говорится в ст. 6 декрета), либо тут имеется различие правовых отношений, в зависимости от принадлежности частей имущества к оборотоспособным или внеоборотным предметам. В частности, как размежевывать право распоряжения этим имуществом, предоставляемое по ст. 5 декрета СТО и ВСНХ, а по упомянутой ст. 6 — самому тресту. В связи с этим стоит также вопрос о том, следует ли сохранить существующее в декрете указание на две части уставного капитала — основной и оборотный, с применением к каждой из них различного правового режима. При этом отмечалось, что если руководиться просто указаниями соответствующих статей Гр. Код. (21, 22 и др.) и устранить упомянутые правила из декрета, то в случае каких-либо расхождений в гражд. кодексах союзных республик по этим вопросам получится нестрога и в столь важный момент трестовской деятельности у предприятий в зависимости от их местонахождения.

3. Немаловажным вопросом, как указывает практика предприятий, оказался вопрос о правовых основаниях и пределах деятельности треста в промежуток времени между утверждением его устава и регистрацией, каковой промежуток, по независимым обстоятельствам, выражается иногда во много месяцев; предприятие же получает зачастую в свой состав заводы «на ходу» и не может не развернуть уже по одному этому оперативную деятельность еще до регистрации.

Наконец, в числе других вопросов был поставлен и вопрос о той форме, в которую полезнее облечь пересмотр декрета: быть ли ему единым актом, охватывающим предприятия союзные, союзных республик и местные, или же необходимы раздельные, по каждой группе, декреты, при чем союзный декрет в отношении предприятий рес-

публиканского и местного значения должен был бы дать лишь общие основы для соответствующих декретов союзных республик.

Доклад и замечания, сделанные в прениях, смогут послужить материалом для дальнейших работ по пересмотру декрета о трестах.

Б.

Концессия по сов. праву.

(В бюро юрисконсультов экономических учреждений и организаций).

16 апреля 1926 года в бюро юрисконсультов экономических учреждений и организаций при институте экономических исследований НКФ СССР состоялся доклад Б. Ландау: «Права и обязанности концессионера по советскому праву».

Докладчик, отметив отсутствие в нашем законодательстве определения концессии, находит, что это определение может быть выведено лишь из начал структуры хозяйственной жизни Союза ССР, которые предполагают всегда на первом месте интересы государства и коллектива (ст.ст. 1 и 4 ГК).

Под концессией докладчик разумеет специальный закон, утверждаемый СНК СССР, и предоставляющий в интересах развития народного хозяйства частному лицу (физическому или юридическому) право на занятие хозяйственной деятельностью, по общему правилу закрытой для частных лиц.

Соответственно этому общему принципу концессионеру предоставляются все те права, которые необходимы для осуществления его частной инициативы в данной отрасли. Права эти и привилегии носят строго хозяйственный характер и лишены всякого политического значения.

Концессия согласуется с хозяйственным планированием; она призвана не заменять плановое хозяйство, а дополнять недостающие его части. Льготное положение концессионера не создает ему экстерриториальности и не устраняет применения к нему по общему правилу всех советских законов (законы о монополии, внешней торговле, труде и т. д.).

Гарантия, предоставляемая концессионеру, заключается в связности правительства условиями концессионного договора и в обязанности государства возместить концессионеру ущерб, происходящий в случае нарушения условий заключенного с ним договора.

Возражения принявших участие в прениях оппонентов сводились к тому, что концессия оформляется не в виде специального закона, а в виде публично-правового договора между правительством и концессионером, хотя договор этот и основывается на административном акте высшего управления, что этим концессионным договором отношения сторон и регулируются и что гарантия концессионера — не только в праве на ущерб, могущий быть причиненным нарушением концессионного договора, но и в объявленной правительством в декрете от 23/XI—20 г. недопустимости одностороннего изменения условий концессионного договора.

А. Г.

Юридическая работа московских профсоюзов за 1924—25 г.

Юридическая помощь, оказываемая профсоюзами своим членам, имеет свою двадцатилетнюю историю. При всякой возможности, открывавшейся профессиональным союзам, работать в условиях самодержавного режима в России одним из видов деятельности союзов была юридическая работа. Конечно, этот вид работы был стеснен и подавлялся в той же мере, в которой подавлялась и стеснялась возможность и работа самих союзов. И только с Октябрьской революцией, когда союзы вышли на широкую общественную дорогу, создались благоприятные условия и для юридической работы.

Верно, до VI губернского съезда профсоюзов юридическая работа профессиональных союзов отодвигалась на второй план, так как основное внимание союзов было обращено на разрешение более важных задач, стоящих перед ними, и в первую очередь задач восстановления нашего хозяйства, а вместе с этим и улучшения экономического положения рабочего класса.

По мере восстановления народного хозяйства, роста промышленности и улучшения материального положения рабочего класса, союзы постепенно углубляли работу и в области обслуживания материальных и культурных нужд союзной массы. В деле проведения в жизнь решений, поставленных перед союзами XIV Партийным Съездом, и всестороннего обслуживания своих членов, энергичной защиты их экономических интересов и всемерного поднятия их культурного уровня довольно видную роль должны сыграть юридические бюро союзов.

Пршедшие съезды губотделов, а также и VII губсъезд отметили важность юридической работы союзов и необходимость расширения таковой в целях еще большего охвата союзной массы, нуждающейся в юридической помощи.

«Оказание союдами юридической помощи своим членам является важнейшей задачей союзных организаций в области обслуживания экономических интересов и бытовых нужд рабочих. Поэтому союзам необходимо обратить самое серьезное внимание на углубление и расширение юридической помощи членам союзов» (из резолюции VII губернского съезда профсоюзов).

Прежде чем перейти к изложению юридической работы, проведенной союзами за год, мы считаем необходимым отметить, что основная непосредственная задача, стоящая перед юридическими силами союзов, которую они проводили, это— участие во внутрисоюзной работе.

Тот, кто знаком с работой союзной организации, знает, что юрисконсульт в союзе не только оказывает юридическую помощь членам союзов,— это не первостепенная его задача,—но и участвует в работе орготдела, культотдела. Особенно же ярко выявилась необходимость использования специалистов в области права в тарифно-экономической работе союзов. Привлечение к разработке типовых коллективных и трудовых договоров, правил внутреннего распорядка, табели взысканий и т. п., участие в конфликтной работе и работе по охране труда, связанной с применением законодательства,—вот основная отрасль деятельности юрбюро союзов, которой они уделяют максимум внимания.

Мы считаем необходимым осветить в настоящей статье лишь ту отрасль союзной работы, которая проводится юрбюро союзов самостоятельно, т. е. оказание юридической помощи членам союзов путем советов, судебной защиты и пропаганды советского права.

Оказание юридической помощи в первое время организации юридической работы союзов мыслилось, главным образом, в отношении юридического обслуживания членов профсоюзов по вопросам трудового права. Однако, в процессе работы в связи с развитием гражданского оборота юридическая работа значительно развернулась и в области юридического обслуживания союзной массы включает в себе вопросы, вытекающие из трудовых отношений и быта рабочего во всей его совокупности.

Юридическое обслуживание союдами осуществляется двояко: с одной стороны, непосредственным оказанием юридической помощи (советом и защитой на суде) и, с другой стороны, пропагандой советского права среди союзной массы.

Юридическая помощь союзной массе оказывается совершенно бесплатно, при чем принцип бесплатности проведен

как в отношении консультационной помощи, так и в отношении судебной защиты.

Юридические консультации ставят своей задачей максимальное приближение своей работы к союзной массе. Поэтому консультационная помощь не ограничивается только приемом в союзах, она выносится за стены союзов, непосредственно на предприятия, клубы, завкомы и т. п. Для этого в настоящее время почти по всем союзам организованы регулярные выезды на предприятия юрисконсультов в определенные дни и часы. Кроме того, в целях налаживания еще более крепкой связи союзных консультаций с предприятиями некоторыми союзами организованы по предприятиям так называемые юркорреспонденты-информаторы, которые собирают от рабочих интересующие их вопросы и знакомят их с ответами, полученными на вопросы из консультации. Трудно сказать насколько привьется эта организация юркорреспондентов на предприятиях, но первоначальный опыт показывает, что в деле связи и скорого обслуживания потребности союзной массы в юридической помощи они при правильной их организации должны сыграть довольно видную роль. Единственным отрицательным моментом в этой работе является боязнь, что юридические корреспонденты, перепутав ответы, полученные из консультации, могут дать неправильную справку на месте. За это, конечно, никто поручиться не сможет, но избежать этого не трудно, если установить, как правило, что ответы из консультации даются в письменном виде, как это и продлевается в настоящее время союзными юридическими консультациями.

Кроме выездов на предприятия союзных юрисконсультов и организации юридических корреспондентов, консультация использует для своей работы большинство стеновых газет и, наконец, справочные бюро при клубах. Правда, справочные бюро в отчетном году не были раскинута широкой сетью по клубам, так как их организация проводилась культотделами союзов медленно, постепенно и лишь только в данное время на основе полученного опыта намечено окончательное организационное их оформление, что даст возможность в будущем более широко использовать справочные бюро при клубах для оказания юридической помощи членам союзов.

В целях облегчения членам союзов получить юридическую помощь союзными консультациями установлен прием не только в дневные, но и в вечерние часы. Следует отметить, что вечерние часы давали значительную посещаемость, благодаря чему в МГОПС прорабатывается в настоящее время вопрос об организации вечерних консультаций по районам.

Всего за отчетный год союзными консультациями обслужено 198.400 человек, что дает увеличение на 182% в сравнении с прошлым хозяйственным годом, в течение которого обслужено было 70.000 человек. Таким образом, за один год размах работы консультаций увеличился втрое, при чем юридическая помощь охватывает, примерно, 19—20% всех членов союзов Московской губернии.

Характер обращений в юридические консультации союзов и тем самым юридическая помощь, оказываемая членам союзов, характеризуется следующими цифрами: за 1924—25 г. дано консультаций по вопросам: трудовым—41%, гражданско-административным (жилищные, семейные и т. п.)—51%, уголовным—6,5% и земельным—1,5%.

Таким образом, центр тяжести юридической работы союзов сосредоточен, главным образом, на вопросах трудовых и гражданских, уголовные и другие дела в юрработе союзов составляют весьма незначительное место.

Сравнительно с прошлым годом характер обращений в юридические консультации по роду дел несколько изменился.

Вопросы	за 1923—24 г.	1924—25 г.
Трудовые	32%	41,0%
Гражд. администр.	59%	51,0%
Уголовные	7%	6,5%
Земельные	2%	1,5%

Из приведенных нами цифр видно, что в отчетном году мы имеем значительное увеличение трудовых дел (9%) и наоборот, снижение (8%) гражд. дел (главным образом—жилищных).

Увеличение количества трудовых дел обуславливается целым рядом причин. Известную роль здесь играет приток в промышленность новой рабочей силы и более хозяйственный подход руководителей предприятий к вопросам регулирования труда. Рост трудовых дел следует отнести также и за счет развития строительства и широкого притока сезонных, преимущественно строительных рабочих.

Чрезвычайно большую роль в работе юридической консультации играют судебные выступления по делам членов союзов. Поскольку аппарат юридических бюро союзов еще не велик, судебная защита в первую очередь оказывается по делам, вытекающим из трудовых отношений, а затем уже из бытовых условий. При этом союзами строго проводится принцип, что судебная защита оказывается членам союзов лишь в том случае, если интересы членов союза не противостоят общим задачам профессионального движения и классовым интересам пролетариата.

Обслужить полностью все требования на судебные выступления юрбюро союзов не в состоянии благодаря большой загруженности их союзной работой. Непредоставление защиты в настоящее время достигает довольно большого процента. Так, например, медсантруд—40%, химки—15%, совторгслужание—30%, текстильщики—40%, пищевики—20% и т. д.

Решение VII губернского съезда профсоюзов о необходимости расширения штатов юрбюро уже по некоторым союзам проведено в жизнь и предполагаемое еще увеличение кадров юридических сил союзов даст возможность снизить % отказа в судебных выступлениях со стороны юрбюро союзов. Трудовые дела обслуживаются на все 100%.

Помимо выступлений в качестве защитников (их было—17.178) союзным представителям приходилось выступать также в роли общественных обвинителей. К этой работе привлечены не только юрисконсульты союзов, но и ряд товарищей, работающих непосредственно в производстве. За отчетный год всего общественных обвинений проведено 150.

Учитывая правовую неграмотность союзной массы, московские профорганизации ведут также работу по правовому просвещению членов союзов, создавая этим возможность для последних наиболее широко использовать свои права, предоставленные им Советской властью. Особое значение эта работа имеет в области предупреждения трудовых конфликтов.

Практиковавшийся в 1923—24 году метод агитации за советское право, конечно, не в состоянии был дать каких-либо конкретных знаний слушателям и тем самым не мог их удовлетворить.

В 1924—25 году работа эта проводилась более или менее регулярно, систематически, путем чтения докладов, лекций, проведения собеседования, вечеров «вопросов и ответов», живой газеты и т. д. Всего за отчетный год самостоятельно юрбюро союзов проведено было 600 докладов. Эта цифра, конечно, значительно увеличится, если включить сюда все доклады, которые провели союзные юрисконсульты по заданиям культотделов союзов и лекционного отдела МГСПС, но все же нужно признаться, что, благодаря огромной загруженности юрбюро союзов, они не уделяли достаточного внимания этой работе, и расширение в ближайший период правового просвещения союзной массы—одна из основных задач, стоящих перед юрбюро союзов.

Кроме того, по всем союзам проведены были курсы для рабочей части РКК, давшие весьма положительные резуль-

таты в деле укрепления конфликтной работы на предприятиях.

Дальнейшей задачей в деле пропаганды советского права является организация юридических кружков по предприятиям для изучения законодательства вообще и, в частности, трудового, при чем некоторые союзы уже проводят это в жизнь.

Изложенная в общих чертах юридическая работа союзов проводилась московскими союзами при весьма небольшом аппарате. Юридические бюро имеются при 18 губотделах (за исключением сахарников, бумажников, горняков и водников), при 7 УИВ, при 8 железнодорожных профорганизациях и при МГСПС, который оказывает консультационную помощь двумя консультациями: при особой сессии по трудовым делам и при отделе труда Моск. совета.

Последние две консультации организованы со специальными целями: консультация при особой сессии по трудовым делам обслуживает рабочих и служащих, дела которых слушаются в особой сессии, и консультация при отделе труда—для обслуживания членов тех союзов, которые не имеют своих юридических бюро, рабочих и служащих, связанных с конфликтами, проходящими по линии отдела труда, и для безработных. Работой в юрбюро союзов занято было в отчетном году 59 штатных юрисконсульты и 64 практиканта, проходящих практическую учебу в профессиональных организациях.

В уездах занято было всего 9 юрисконсульты. Лишь только после VII губернского съезда профсоюзов юридические бюро в г. Москве увеличили свои штаты на 10 человек и по уездам на 12 человек. Общее руководство юридической работой союзов, непосредственное объединение юрбюро союзов проводится Юрбюро МГСПС, вся же практическая работа по оказанию юридической помощи членам союзов ведется указанными выше консультациями.

Если работа по оказанию юридической помощи членам союзов достигла больших размеров в г. Москве, то об этом нельзя сказать относительно уездов. Отсутствие средств не давало возможности эту отрасль союзной работы широко развернуть в уездах. В отчетном году юрбюро имелись всего лишь при 7 УИВ. Там, где нет юрбюро при УИВ, обслуживание членов союзов проводилось консультациями коллегии защитников (платно) и выездами союзных юрисконсульты из губотделов, что, естественно, не может полностью удовлетворить потребность союзной массы.

В настоящее время проводится работа по организации юридических бюро при уездных профессиональных бюро и уотделениях (уже организованы 5 юрбюро при УИВ и 5 при уотделениях), что даст возможность в ближайшее время поставить более широко работу и в уездах.

Перед профорганизациями в настоящее время стоит задача усилить работу по юридическому обслуживанию союзной массы путем расширения сети союзных юридических консультаций, усиления их состава и т. д. Эта задача приобретает особое значение именно сейчас, в связи с решением XIV Партконференции о проведении в жизнь начал революционной законности, которое, несомненно, усложнит и увеличит объем работы союзных консультаций.

М. Бухов.

Х Р О Н И К А.

Пересмотр декрета о трестах.

В № 106 «Торг.-Пром. Газ.» от 12 мая 1926 г. опубликован проект закона о трестах в предварительной редакции, разработанной комиссией Главного Экономического Управления ВСНХ СССР.

Наиболее характерными моментами проекта нового декрета, разнящими его с действующим декретом от 10 апреля 1923 года, являются отмечаемые ниже.

Ст. 1 проекта декрета определяет трест, как государственное промышленное предприятие, организованное в виде самостоятельной хозяйственной единицы с правами юридического лица и действующее согласно утвержденного устава на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями ГО и ВСНХ. Коммерческий расчет и извлечение прибыли устанавливаются в новом декрете не как метод работы треста, а как цель.

В отношении прав треста на имущество проект устраняет противоречивость и неясность норм действующего закона. Согласно проекта, трест по своим обязательствам отвечает всем своим имуществом, поскольку оно не изъято действующими законами из частного оборота. Государственная казна и местные советы не отвечают по обязательствам треста, равно как и трест не отвечает по обязательствам государственной казны и местных советов. Тресту предоставляется право безвозмездного пользования, владения и распоряжения предоставленным ему имуществом, не изъятым из оборота, и право безвозмездного пользования имуществом, изъятым из частного оборота.

В отличие от действующего закона проект не делает деления уставного капитала на основной и оборотный.

Изменение уставного капитала может производиться лишь в порядке изменения устава треста. При этом уставный капитал может быть увеличиваем путем дополнительной безвоз-

междоной передачи тресту государственного имущества, специальных бюджетных ассигнований, а также путем причисления к капиталу прибыли и специальных капиталов; уменьшение капитала треста производится путем изъятия части имущества или списания понесенных трестом убытков.

Согласно проекта момент возникновения треста, как юридического лица, определяется точно.

ВСНХ входит в СТО с представлением об организации треста; по утверждении этого представления, ВСНХ назначает временное правление и передает ему по особому акту выделяемое тресту имущество. Временное правление действует до утверждения устава треста СТО, когда ВСНХ назначает постоянное правление треста, которое принимает имущество и дела от временного правления и регистрирует трест в Наркомторге согласно закона о торговой регистрации. Ответственность государственной казны (или местных советов) по обязательствам, принятым временным правлением, ограничивается имуществом, определенным в постановлении СТО об организации треста и не изъятим из оборота согласно действующих законов.

Органами управления и ревизии треста являются ВСНХ, правление треста и ревизионная комиссия. Проект вводит по сравнению с действующим законом положение, что непременно ведению ВСНХ подлежит разрешение на сооружение новых промышленных заведений, на производство капитального ремонта, дооборудование и переоборудование существующих заведений. Определяя права и обязанности правления треста, проект изменяет формулировку ст. 1 действующего закона («заботливый хозяин»), устанавливая, что председатели и члены правления обязаны принимать все меры к осуществлению целей, установленных в уставе трестов, проявляя необходимую заботливость и предусмотрительность, и несут дисциплинарную, уголовную и гражданскую ответственность как за целостность вверенного имущества, так и за хозяйственное ведение дела.

В разделе о специальных капиталах и прибыли трестов, проект устанавливает, что не менее 10% прибыли отчисляется в резервный капитал, пока последний не достигнет половины уставного капитала. Не более 10% прибыли отчисляется в фонд улучшения быта рабочих и не более 2% — на выдачу тантэм членам правления и ответственным служащим согласно особым указаниям и правил. Характерным является указание, что не менее 10% прибыли отчисляется на образование специального государственного капитала в учреждениях долгосрочного кредита и не менее 15% — в качестве долгосрочного вклада треста в эти учреждения. Кроме того, не менее 15% (если нет необходимости в погашении задолженности по долгосрочному кредиту) обращается на увеличение уставного капитала треста; не более 5% может быть отчислено на образование специальных капиталов, если это предусмотрено уставом треста или постановлениями ВСНХ. Вся остальная сумма прибыли поступает в доход государства.

Резервный капитал вместе с процентами на него служит лишь для покрытия убытков предприятия по балансу и расходуется с разрешения ВСНХ. По достижении резервным капиталом размера, равного половине уставного капитала, ВСНХ может возбудить вопрос об увеличении уставного капитала путем перечисления в него части резервного капитала. Фонд по улучшению быта рабочих и служащих, составляя специальный капитал треста, расходуется правлениями трестов по согласованию с соответствующими профорганизациями на основе особой инструкции. Никакие расходы по улучшению быта рабочих и служащих сверх суммы, имеющейся в фонде, не допускаются.

Проект устанавливает порядок, согласно которому снятие трестов производится путем учреждения нового треста в порядке, установленном декретом. Выделение из треста части его заведений и имущества для образования другого треста происходит путем изменения устава первого треста и учреждения нового треста. Таким же путем производится и разделение одного треста на два или несколько трестов.

Законодательство о местной промышленности.

Всесоюзное совещание госпромышленности в резолюции по вопросу о законодательстве о местной промышленности высказалось за пересмотр декрета 17 июля 1923 г. о местных трестах, но так как в основу декрета положены те же начала, на которых построен декрет о трестах союзного и республиканского значения и так как начала эти связаны с основными принципами управления национализированной промышленностью, применяемыми в общесоюзном масштабе, то, по мнению совещания, издание декрета о местных трестах, независимо от декрета о трестах общесоюзного и республиканского

значения, было бы нецелесообразно. Оно должно быть отложено до коренного пересмотра декрета 10 апреля 1923 г.

Совещание считает, что основными вопросами, имеющими общесоюзное значение и нормируемыми в порядке общесоюзного законодательства, следует считать:

а) установление основных элементов, образующих понятие «трест»: понятие коммерческого расчета, самостоятельность в производстве операций, работа согласно плановым заданиям, наличие юридического лица и проч.;

б) ограниченная ответственность по обязательствам треста только имуществом, не изъятим из частного оборота, и безусловное исключение ответственности государственной казны по обязательствам треста;

в) порядок учреждения, регистрации и ликвидации треста;

г) структура капиталов треста и принцип распределения прибыли;

д) принцип установления цен и взаимоотношений с кооперацией и частным лицам;

е) общие основы, устанавливающие взаимоотношения между регулирующими органами и правлениями трестов.

Все остальные вопросы должны разрешаться законодательством союзных республик.

Законодательство о местных трестах, в виду его относительной сложности, должно быть распространено только на более значительные хозяйственные единицы, обладающие минимальным имущественным цензом. Все остальные предприятия местного значения, сосредоточенные в ведении волостных, районных и частью уездных и окружных исполкомов, должны подлежать действию особых положений, создающих значительно упрощенный тип организации.

Для предприятий, не удовлетворяющих минимальному имущественному цензу и обслуживающих местные нужды в ограниченных территориальных пределах, нет необходимости делать обязательной конструкции самостоятельных юридических лиц со сложным порядком утверждения уставов и регистрации.

Такие единицы могут управляться также на основе доверенности соответствующих исполкомов. Однако, в отношении таких предприятий может быть предусмотрен принцип выделения с разрешения губисполкома особого имущества из бюджета с установлением ограниченной по нему ответственности.

По мнению совещания, в разрабатываемый проект декрета должны быть включены в числе других следующие положения:

а) в вводной части декрета должно быть указано деление предприятий на общесоюзные, республиканские и местные;

б) права и обязанности хозяйственных наркоматов (в частности НКФ и Наркомторга) в отношении трестов местного значения должны быть в декрете уточнены;

в) имущество промышленных предприятий как действующих, так и бездействующих должно находиться в ведении ВСНХ СССР и его местных органов, как единая имущественная масса;

г) местная промышленность должна входить в местный бюджет единым салдо;

д) прибыль промышленных предприятий местного значения должна быть забронирована в большей степени, чем в настоящее время, для нужд ее расширения;

е) необходимо сохранить существующий порядок прохождения промфинпланов, согласно которому промфинпланы считаются утвержденными в случае, если в течение месячного срока со дня представления не последует возражений со стороны ВСНХ союзных республик; вопросы же нового строительства требуют специального разрешения ВСНХ СССР;

ж) необходимо сохранение существующего порядка, при котором участие кооперации в уставном капитале треста недопустимо; в случае необходимости привлечения кооперации к участию своим капиталом в том или ином тресте таковой ликвидируется, и создается новое акционерное общество.

Одним из наиболее существенных вопросов законодательства о местных трестах, которые требуют пересмотра, является вопрос о местных промышленных фондах. При издании декрета о местных трестах промфонд строился по преимуществу на бюджетном принципе. Отчисления являются безвозвратными и фонд расходуется отчасти на безвозвратное покрытие убытков. Такое построение значительно затрудняет использование средств местной промышленности для перераспределения их соответственно имеющимся колебаниям в процессе высвобождения средств промышленности. Применение к организации местных фондов принципа, принятого при построении центрального фонда долгосрочного кредитования, и установление их связей с центральным фондом, позволило бы более интенсивно использовать высвобождающиеся средства местных трестов.

Борьба с хищениями.

В междуведомственной комиссии при НКВнуторге РСФСР по борьбе с недостатками и хищениями рассматривался вопрос о государственном гарантийном страховании.

Комиссия констатировала, что государственное гарантийное страхование, несмотря на краткость своего существования, обнаруживает здоровый рост, выявившийся в расширении поля страхования, увеличения числа гарантийных служащих, снижении тарифов и приспособлении правил гарантийного страхования к интересам страхователей.

Комиссия признала необходимым обратить внимание государственных и кооперативных органов на целесообразность широкого применения государственного страхования при операциях, связанных с хранением и выдачей ценностей (кассовые операции, торговля, складское хранение товаров и проч.).

В целях развития гарантийного страхования комиссия считает необходимым провести децентрализацию страхования путем согласования деятельности Госстраха со всеми организациями, которые могут содействовать расширению поля гарантийного страхования. По истечении операционного года необходимо допустить участие страхователей в прибылях гарантийного страхования.

Для усовершенствования методов работы и устранения причин, влекущих за собой убытки, повышающие страховые тарифы, необходимо отчисление определенной прибыли Госстраха на мероприятия предупредительного характера; поднятие квалификации гарантийных служащих путем устройства курсов и издания соответствующих пособий; участие Госстраха в улучшении постановки отчетности и контроля торговых организаций, а также содействие профорганизациям в деле улучшения условий труда и быта гарантийных служащих.

Недопустимость учета кредитными учреждениями т.-наз. дружеских векселей.

НКФ РСФСР по вопросу, законно ли принятие к учету кредитным учреждениями т.-наз. дружеских векселей, а равно переданных ему соло-векселей и векселей обеспечительных, разъяснил (раз'ясн. № 711/03 от 26 февраля 1926 г.): 1) По природе своей вексель является абстрактным обязательством, из содержания коего не могут быть выяснены ни происхождение векселя, ни реальные основания его выдачи, ни взаимоотношения сторон. 2) Согласно разъяснению III Отдела НКЮ от 13 июня 1924 г. № 770, при вексельном индоссаменте (передаточной надписи) в отличие от общегражданской цессии (переуступочной надписи) и в соответствии со ст. 10 полож. о векселях у держателя векселя возникают отношения, совершенно оторванные от отношений к лицам, являвшимся передаточными звеньями между держателями векселя и векселедателем, — поэтому кредитное учреждение, которое учло вексель, имеет все права, вытекающие из текста векселя, независимо от дефективных прав между векселедателем и первым векселеприобретателем, так как векселедатель не может защищаться против иска кредитного учреждения, выдавшего деньги по учету векселя, представляя возражения, что вексель получен безвалютно. 3) Кредитное учреждение лишено возможности установить признаки векселя, имеющего дружеский характер, поскольку вексель этот удовлетворяет требованиям правильно составленного векселя, не несет риска за учет даже безнадежного векселя, поскольку безденежность не была ему заведомо известна. Равным образом, кредитное учреждение не может считаться ответственным и за прием к учету векселя, который в действительности оказался бы дружеским и безденежным. 4) Вопрос о недопустимости для госпредприятий и госучреждений обмениваться и представлять к учету дружеские векселя лежит в плоскости неправильных действий названных организаций и может вызвать лишь пожелание, чтобы кредитное учреждение, в случае явной фиктивности вексельных отношений по векселю уклонилось от приема их к учету и обратило внимание таких клиентов на недопустимость по существу производить операции с документами, выдаваемыми лишь для вида. 5) Что касается вопроса об учете кредитным учреждением таких ценностей,

которые переданы кредитному учреждению под определенным условием и для известной цели, как, например, обеспечение векселя, переуступочные акты и пр., то нарушение принятого кредитным учреждением на себя обязательства является по общему положению недопустимым, а поэтому и перезалог предоставленного имущества, учет обеспечительных векселей и пр. должны считаться совершенно недопустимыми. Равным образом, и принятие кредитным учреждением к учету соло-векселей, т.-е. векселей с одной только подписью векселедателя, выписанных на имя кредитного учреждения, является недопустимым во всех случаях, кроме тех точно указанных по уставу кредитного учреждения случаев, которые разрешают принятие подобных обязательств. Указанное запрещение приема к учету соло-векселей не относится к тем кредитным учреждениям, кооперативного кредита, уставами которых разрешается непосредственно выдача ссуд или займов их клиентам, при чем в этих случаях выдаваемое клиентом обязательство или документ может быть обложен в форму вексельного обязательства.

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФ раз'яснил:

В случае уплаты налога недоимщиком после составления описи имущества, но до начала торгов, расходы, связанные с выездом на место для составления описи имущества, а также с назначением торгов, на счет недоимщика не относятся. (Раз'ясн. от 19 марта 1926 г. № 401901).

В текущей сельхозналоговой кампании никакой специальной кампании по так-называемой «зачетке» не будет. По окончании последнего срока уплаты налога неуплаченная сумма налога должна быть механически перечислена в недоимку. Взыскание недоимки должно производиться на общих основаниях с применением к неплательщикам поуплатительных мер взыскания в порядке положения от 2 октября 1925 г. (Раз'ясн. от 20 февраля 1926 г., № 401905/3).

Переносить уплату налога с арендатора на арендодателя было бы несправедливо потому, что арендатор из арендованной земли извлекает определенный доход, сторицей окунаящий все расходы, связанные с арендой и обработкой этой земли. Положение арендодателя в данном случае значительно худшее, так как за свою землю он обычно получает лишь незначительную арендную плату. Кроме того, при уплате налога арендодателем самая аренда приняла бы уродливую форму, так как носила бы скрытый характер и тем самым только ухудшила положение арендодателя, сдающего свою землю из-за нужды. При настоящих условиях аренды так или иначе соблюдаются известные формальности, в соблюдении которых заинтересованы сами арендодатели. (Раз'ясн. от 24 марта 1926 г., № 4029119).

До издания декрета ВЦИК о замене продразверстки натурналогом государственная заготовка продовольствия производилась путем изъятия от населения излишков с применением круговой поруки. Такое изъятие было предусмотрено специальным законом о реквизициях и конфискациях (Собр. Зак. 1921 г. № 70, ст. 143). Жалобы по делам такого рода реквизиций разрешались исключительно в административном порядке.

Предъявление в настоящее время таких исков к финорганам является неправильным еще и потому, что при существовании круговой поруки нельзя было говорить об излишке, взысканном с того или иного отдельного гражданина, распределение же подлежащего внесению количества продовольствия между плательщиками лежало в конечном счете на сельском обществе, а потому лишь к последнему возможно было предъявление подлежащих исков.

Поэтому, согласно циркуляра НКЮ РСФСР от 5 апреля 1923 г. за № 31, всякие иски подобного рода удовлетворению не подлежат и к производству не принимаются даже судебными органами. (Раз'ясн. НКФ—26 г. № 402919).

По автономным областям.

Бытовые преступления в Марийской автономной области.

В отличие от других областей и республик, на территории Марийской области имеются и такие бытовые преступления, которые совершенно не предусмотрены главой IX проекта УК.

Забитость и оторванность коренного населения области от промышленных центров, железнодорожных и водных путей создают благоприятные условия для существования и по сегодняшний день бытовых преступлений, юрны и причины возникновения которых уходят вглубь прошлых столетий.

По юридическому признаку они могут быть подразделены на шесть отдельных видов (я поворю эдесь о тех, кои не упомянуты тл. IX):

1. Укоренившийся обычай избияния подушкой недавно вступившей в брак женщины в праздник «Шорык-Йол» (святки), когда к этому деению привлекаются родственники и другие лица. При наличии того факта, что у марийцев свадьбы в большинстве своем устраиваются в весенние месяцы, май—июнь, избияние ее в святки нередко влечет после 6—7 месяцев супружеской жизни выкидыш, и, кроме того, телесные повреждения, доходящие иногда до сплошных кровоизлияний, синяков и общего недомогания.

2. В момент свадьбы свадебный поезд, встречая едущих навстречу лиц, независимо от того, с грузом или налегке они едут, один или целый обоз, никогда не сворачивает с дороги, хотя бы к тому и были основания. Результатом подобного обычая являются: подчас тяжелые избияния встречных, ломка и приведение в негодность экипажа и сбруи. Если же встречаются на пути два свадебных поезда, то участники последних принуждают друг друга пить спартные напитки, онимают жениха и невесту с применением соответствующих церемоний с экипажей, а чаще всего избивают вожака того или иного поезда; наступает драка и после того, как одна из сторон окажется побежденной, последняя обязана уступить дорогу. Разумеется, нанесение увечий и материального ущерба встречным в целях борьбы с данным бытовым преступлением дают полные основания для его наказания.

3. Особенно унижающим человеческое достоинство обычаем следует считать избияние непринятых в армию по состоянию здоровья, и т. д. лицами, принятыми в армию. Избияние проводится группой замаскированных лиц, изображающих приемную комиссию, и имеет место в празднество «Шорык-Йол» (святки). Большой, негодный рекрут, которому и так трудно работать и поддерживать свое здоровье, от подобной «шпыри»-избияния терпит большие мучения.

4. Чертогон (истязание) во время праздника «Сурем» и осеннего религиозного празднества, выражающийся в избиянии попадающих навстречу людей, своих родичей, животных и т. д., влекущий за собой нарушение общественной тишины и порядка, материальный ущерб, причиняемый гражданам, в виде повальной ломки заборов, изгородей и т. п. Причиной подобных действий марийцы видят возможность изгнания чертей и злых духов, вселившихся в людей, постройки и животных. Значительно реже результатом чертогона может быть тяжелое увечье и даже смерть.

5. Выкуп невесты, взятой из другой деревни, требуемый молодежью этой деревни, когда последствием требований являются: хулиганство, нанесение побоев, порча сбруи и экипажа при невыплате выкупа, в силу своих неимоверно больших размеров, невестой, где в подобном действии принимают участие большое количество молодежи, обычно руководимое отменными хулиганами деревни.

6. И последнее бытовое преступление, также совершенно непредусмотренное гл. IX, — это причинение телесных повреждений девице, происходящее во время катания на санках с горок в масленицу; на девушку наваливаются человек 5—6 парней, и санки с находящейся под ними девушкой бешено мчатся под пору, сваливаются, натыкаются на препятствия, — в итоге телесные повреждения.

Из приведенного видно, что 1 и 3 вид преступлений носят явно религиозный, а 2, 4, 5 и 6 — бытовой характер и протисхождение.

Кроме того, на территории области, где по данным на 1 августа 1925 года числятся марийцев 251.879 чел. и татар 20.313 чел., имеют место (особенно среди татарской части населения) и другие бытовые преступления, предусмотренные ст.ст. 231, 232, 233 и 234 для автономной Казахской ССР,

ст.ст. 229, 230 — для Башкирской АССР и ст. 229 — для автономной области Калмыцкого народа.

В силу массовых случаев совершения упомянутых преступлений, на запрос НКЮ от 26 февраля 1926 г. Маробисполком при секретариате организовал совещание из представителей исполкома, облсуда и прокуратуры, адм. отдела и научных работников мари, где этот вопрос и был разработан. Совещание остановилось на необходимости дополнения главы IX проекта УК для Маробласти путем включения изложенных 6 видов преступлений в вышеприведенные ст.ст. для Башкирской и Казахской республик, с изменением и обобщением ст. 230 для Башкирской АССР и ст. 232 для Казахской АССР в следующей редакции.

«Ст. 229. Уплата «олно» (вено, выкуп за невесту), вносимо по избиянию коренного населения автономной Марийской области женихом, его родичами или собственниками родителям, родичам или собственникам невесты деньгами или другими ценностями и устанавливающего против ее воли обязательство выдать невесту замуж именно за этого жениха, — лишение свободы на срок до одного года или штраф до 300 руб.

Принятие калыма — те же меры».

Всего, таким образом, по представлению облсуда, для Маробласти предусмотрено 12 видов бытовых преступлений, выраженных в ст.ст. 229—240 проекта УК.

Несколько материалов направлено в Наркомюст, я считаю необходимым, как работник данной области, высказать некоторые соображения, позволяющие думать о том, что проект совещания в том виде, как он направлен, приемлемым быть не может и требует серьезнейшей переработки, особенно в части (и это главное) установления репрессии за преступление. Верно то, что бытовые преступления Маробласти должны найти отображение в гл. IX, но проект в определении мер социальной защиты идет в разрез со ст.ст. Уголовного Кодекса, а именно: а) За многоженство и многоженство нельзя карать, как это предусматривает совещание, штрафом до 300 руб., так как ст. 233 УК для Казахской и Башкирской ССР устанавливает меры социальной защиты: принудительные работы на срок до одного года. При доказанности происходящего процесса вырождения коренного населения области, предотвратить который возможно лишь физическим и иным оздоровлением, данное бытовое преступление имеет последствием: способствование вырождению и унижение достоинства личности, и раз в Маробласти отсутствует возможность применения принудительных работ, это преступление все же как социально-опасное должно караться лишением свободы на срок до 6 месяцев. Штраф в борьбе с подобным явлением нужного действия оказать не сможет. б) Избияние подушкой женщины в праздник «Шорык-Йол», если оно не повлекло за собой выкидыша и не причинило тяжелой физической боли, карается по редакции совещания ст. 235 УК 1 ч., лишением свободы до 6 месяцев или штрафом до 100 руб., а при причинении тяжелой физической боли или выкидыша — до 2 лет. Выкидыш или тяжелая физическая боль не могут не повлечь за собой расстройства здоровья, вследствие «систематических легких истязаний», подходят под признаки 1 части ст. 161 и в целях даже ограждения прав женщины должны караться не штрафом или лишением свободы до 6 месяцев, а наказаниями 1 ч. ст. 161. в) Насильственные действия, учиненные над гражданами, попадавшими навстречу свадебному поезду, независимо от последствий, по мнению совещания облсуда, караются лишением свободы до 6 месяцев или штрафом до 100 руб. Между тем, названная редакция ст. 236 говорит и о иных «насилованных действиях», а облсудом пошел еще дальше и указывает, что «...бывает приведение в негодность экипажа...» «в худшем случае избияние вожак...» «пока одна сторона не удержится с другой...». Приведенного достаточно, чтобы понять необходимость расчленения этой статьи на 2 части: просто принуждение пить, несворачивание с дороги поезда при встрече с возчиком, процессией и т. д., что может быть, как хулиганство, наказано лишением свободы до 6 месяцев или штрафом до 100 руб., а 2 часть предусматривает порчу экипажа или другого чужого имущества, определяя наказание по 1 части ст. 193. г) Ст. 237 — избияние непринятых в армию, — как особенно вредное бытовое явление, не может караться 6 месяцами или штрафом до 100 руб., а подходит под действие

3 ч. ст. 92, предполагая меру социальной защиты — лишение свободы до 2 лет.

В ст. 239, предусматривающей выкуп невесты, взятой из другой деревни, от живущей там молодежи, если последствиями требования выкупа явились хулиганские действия, нанесение побоев, материальный ущерб, в частности, порча сруби и экипажа, определяется наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев или штрафа до 100 руб. В подобных случаях штраф нецелесообразен, и наказание, не соот-

ветствуя последствиям преступления, должно быть повышено до 1 года.

Мне кажется, что высказанные соображения законодателем и НКЮ будут учтены и найдут свое место в изменениях предложенного Мароблисполкомом проекта.

С. Безбородов.

Авт. Марийская область,
г. Краснококшайск.

== НА МЕСТАХ ==

Итоги работы прокуратуры Уральской области за 1925 г.

Работа прокуратуры Уральской области в истекшем году характеризуется рядом ниже приводимых данных, определяющих к тому же и те условия, в которых эта работа протекала.

На 1/II—1926 г. лиц прокурорского надзора состоит: в управлении облпрокуратуры—11 чел., в окружных прокуратурах—61 чел., в районных—30 чел., а всего—102 чел.

Численность личного состава прокуратуры области как по управлению, так и по округам можно считать достигшей штатной нормы. Достижению этой нормы способствовало то, что за последние 4—5 мес. обкомом было выдвинуто в прокуратуру для работы до 6 товарищей, из которых большинство в настоящее время ведут уже самостоятельную работу.

По партийной принадлежности состав прокуратуры делится: членов ВКП (б)—93,2%; членов ВЛКСМ—1,3% и беспартийных—5,5%. По стажу партсостав разделяется: до Февральской революции—8%; с 1917 г.—21%; с 1918 г.—20%; с 1919 г.—26%; с 1920 г.—19%; с 1921—1925 г.—6%. По социальному происхождению в составе прокуратуры: рабочих и крестьян—67,5% и служащих и других—32,5%. По стажу практической работы в прокуратуре: работающих 3 года—75% всего состава, работающих 2 года—16%, работающих 1 год—27%, работающих менее 1 года—22%.

Как видно, эти цифры говорят о довольно благоприятном для общего состояния прокуратуры подборе работников. Если же к этому добавить, что почти все работники имеют за собой значительный, предшествовавший работе в прокуратуре стаж общественной, политической и советской работы, то надо сказать, что состав прокуратуры в общем является достаточно подготовленным.

Из всех приведенных данных следует, что штат прокуратуры как в количественном, так и в качественном отношении, достаточно укомплектован. Теперь же, в данный момент, перед обл. прокуратурой стоит неотложная задача добиться укомплектования организуемых районных прокуратур. И в этом направлении многое уже сделано, так как партийные и советские организации уделяли и уделяют этому вопросу большое внимание, оказывая всемерное содействие.

«Укрепление и расширение правильной работы прокуратуры», признанное III Съездом Советов СССР одним из необходимых условий для проведения твердых начал революционной законности, во многом зависит от того количества материальных средств, которые отпускаются на зарплату, хозяйственные и организационные нужды прокуратуры.

И если недостаточность этих средств служит большим препятствием к необходимой постановке работы органов юстиции вообще и в частности прокуратуры, то все же надо сказать, что и существующие условия дают возможность постановки и проведения целого ряда мероприятий по линии дальнейшего укрепления революционной законности.

До районирования области аппарат прокуратуры состоял из 4 губернских прокуратур и 22 уездных, в которых работало всего 45 человек лиц прокурорского надзора. В настоящее время на территории области имеется 16 окружных прокуратур и 30 районных, действующих с 4 ноября минувшего года, что дает в общей сложности с управлением прокуратуры 102 человека лиц прокурорского надзора. Районные прокуратуры с 1 апреля увеличиваются до 45, а к июню месяцу число их предполагается довести до 60. До районирования на местах (уезды) работало 48% всех работников. Теперь же в округах работает 44,7%, в районах—44,6%, а всего на местах—89,3%. Таким образом, мы видим, что в условиях районирования не только увеличился состав прокуратуры (больше чем в 2 раза), но в общем и целом

аппарат ее охватил работу низового советского аппарата и в значительной мере приблизился к населению.

В осуществление связи прокуратуры с трудящимися и низовыми советскими работниками последняя развернула достаточную работу по трем направлениям. Это, во-первых, правовая пропаганда, во-вторых, организация общественного обвинения и, в-третьих, работа прокуратуры в печати.

В первом направлении работниками прокуратуры за истекший год сделано 1117 докладов по правовым вопросам и 165 вечеров собеседований на крестьянских собраниях с общим количеством присутствующих 74.685 чел.

Из общего числа докладов по правовым вопросам доклады прочитаны: на собраниях: крестьян—34,1%; рабочих и служащих—13,4%, рабочих и крестьянок—9,6%, учащихся—11,8%, допризывников и красноармейцев—3,2%, в заседаниях парторганов—5,7%, на собраниях сельхозоров—1,5%, на других собраниях и заседаниях—12,7%.

Наряду с докладами по правовым вопросам, прокуратура регулярно отчитывалась перед трудящимися о своей работе и состоянии революционной законности. На заседаниях исполкомов, сельсоветов и с'ездах советов (районных) ею сделано 136 таких докладов; на заседаниях и собраниях партийных органов—143 доклада; на собраниях рабочих и крестьян, служащих и женщин рабочих и крестьянок—139, на с'ездах работников юстиции и органов дознания—22; на собраниях и с'ездах рабочих и сельхозоров—15 и прочих—15, а всего сделано 470 отчетных докладов при общем количестве присутствующих 24.287 человек.

Кроме того, сделано 384 доклада по политическим вопросам, на которых присутствовало 43.367 человек. Всего же прокуратурой сделано докладов 1.971 и на них присутствующих было 142.340 чел.

Теперь об институте общественного обвинения. Состав общественных обвинителей в области таков:

Из ответственных работников; в окружных городах—445, в прочих поселениях округа—688; всего 1.133; из рядовых рабочих и крестьян: в окружных городах—376, в прочих поселениях в округе—388, всего—764. Всего же вместе—1.867 чел.

Выступлений общественных обвинителей было: в окружных городах—451, в прочих поселениях округа—463. А всего выступлений общественных обвинителей в судах за истекший год—914.

Более 50% всего состава общественных обвинителей в течение года не имели выступлений. И уже из этого только видно, что общественные обвинители в работу вовлечены недостаточно, чему способствовало не мало причин. Здесь сказалось отсутствие на местах (в районах) института защиты, а также и то, что для общественных обвинителей не установлено никаких льгот, хотя бы в виде выплаты за время участия в процессе заработка по месту службы или работы, как это установлено для нарзаседателей, оплаты суточных, проездных и т. п.

Вопрос о предоставлении этих льгот общественным обвинителям областная прокуратура ныне возбуждает, и надо надеяться, что с разрешением его в положительном смысле работа института общественного обвинения значительно оживится. Остановившаяся на работе в печати, нельзя не упомянуть о наличии организационной уязвки работы прокуратуры с органами печати, отражающейся в ответах через газету на вопросы, в расследовании по газетным заметкам и т. п.

По вопросам права и о деятельности прокуратуры за год было помещено в газетах 321 статья. Если же прибавить ко всему, что в области на 1 января 1926 г. было организовано 128 юридических кружков, большинство которых находится в районах, и то, что прокуратурой только в одном втором полугодии, за 179 выездов в деревню, было проведено в ней

1.416 дней, то очевидным становится, какое значение придается организации связи с трудящимися прокуратурой и путем каких различных форм и насколько эта связь осуществляется.

Прокуратурой за истекший год было принято к рассмотрению 5.478 газетных заметок, из них окончено производством 53,4% (из них подтвердилось 32,3%, не подтвердилось—21,1%), не окончено и находится в стадии расследования—46,6%.

Наибольшее количество из принятых к производству падает на заметки: о растратах—13,2%; о насильных над личностью—11,3%; о должностных преступлениях—19,8%; о волюнтаризме, бюрократизме, взяточничестве и бесхозяйственности—14,4%, т. е. 59,7% и других 40,3%.

Правда, в работе с газетными заметками есть еще недостатки, основным из которых является медлительность расследования, обусловливаемая, главным образом, задержкой в РИК'ах, сельсоветах и органах милиции, по все же в смысле оформления, связи с трудящимися здесь несомненно, уже кое-что достигнуто. Говоря о связи с трудящимися, о формах и широте охвата ею трудящихся, нельзя не упомянуть о последнем из видов осуществления ее, о жалобах.

Жалоб в прокуратуру поступило 15.867. Из них принято: госучреждениями—621 (3,9%), служащими—1.796 (11,3%), рабочими—1.818 (11,5%), крестьянами—5.430 (34,2%), прочими—6.202 (39,2%).

На кого же поступали жалобы? 23,6% всей суммы жалоб—это жалобы на низовые органы власти. Эти цифры говорят не только о росте авторитета прокуратуры среди трудящихся, не только о достижении осуществления необходимой в работе прокуратуры связи с ними, но и о необходимости усиления работы по линии пропаганды советского законодательства как среди трудящихся, так и среди работников низового советского аппарата.

Надзор за соблюдением революционной законности прокуратурой осуществляется: 1) путем обследования совалпратата вообще, главным же образом низового, и реализации материалов обследований, 2) опротестованием постановлений органов административной власти, 3) наблюдением за расследованием по газетным заметкам, 4) рассмотрением и направлением жалоб и 5) возбуждением уголовного преследования против правонарушителей.

Из 1.918 обследований, произведенных прокуратурой, на низовые органы приходится 1.596 или 83%. РИК'ов обследовано 185, сельсоветов—430, нарсузов—283, следователей—218, милиций—279, земкомиссий—174 и райкомов—27. Акты обследований в копиях передавались обследуемому учреждению, где ставились доклады, затем представлялись в вышние органы и на заседаниях этих органов ставились также доклады об обследовании. Протестов прокуратурой принесено 2.667, из них 902 или 33,9%—это протесты на незаконные постановления о наложении административных взысканий.

Следующее место по количеству нарушений занимают: незаконные денежные налоги и сборы—13,8%, незаконные натурналоги—4,5%, стеснение прав граждан—4,4%, волокита, бюрократизм—4%, нарушение закона о пользовании землей, рыбными угодьями—3,2%, муниципализация и национализация—2,3%.

Из общего количества опротестовано: постановлений обисполкома—19 (0,7%), окрисполкомов—462 (17,4%), РИК'ов—2.176 (81,9%).

За истекший год по области подвергнуто административным в виде штрафа 71.508 лиц, на общую сумму в 416.189 руб. 27 к., средняя сумма штрафа на одно лицо равняется 5,4 руб.

Если в первом квартале средняя сумма штрафа на одно лицо равнялась 9,8 руб., то в четвертом квартале она упала до 4,5 руб. Таким образом, надо отметить, что размер административных взысканий за истекший год понизился настолько, что дальнейшее снижение его едва ли будет вызываться необходимостью.

О состоянии преступности в области можно судить по следующим данным о движении дел в уголовном розыске. В 1924 г. возникло 8.678 дел, из них раскрыто 5.514. В 1925 г. возникло 7.548 дел, раскрыто 5.298. Процент всех раскрытых дел в 1924 г.—63,5%, в 1925 г. он равняется уже 70,2%. Количество возникших в 1925 г. по сравнению с 1924 г. уменьшилось на 13,1%, процент же раскрываемости увеличился на 6,7%.

Основное место занимают имущественные преступления. В 1924 г. они составляли 75,3% всех преступлений, а в 1925 г.—73,9%. Преступлений против порядка управления в 1924 г. было 11,1%, в 1925—6%. Зато в этом году мы имеем значительный рост должностных преступлений—с 6,2% в 1924 до 11,3%.

Конокрадеж зарегистрировано за 1924 г.—652, раскрыто—341 (52,3%), за 1925 г.—321, раскрыто—165 (51,4%).

Число возникших в 1925 г. дел о конокрадеж по сравнению с 1924 г. сократилось на 50%. Сократилось на 42% и количество вооруженных ограблений.

С 1 августа по 1 января возникло дел о растратах 2.590, на общую сумму 1.321.618 руб., из них относится: к городу—883 дела (34,1%), деревне—1.707 (65,9%). Из них падает: на госорганы—1.020 дел (39,4%), на кооперацию—1.038 (40,1%), профорганы—157 (6,0%), другие общественные организации—375 (14,5%).

Дел о растратах: до 50 руб.—394 (15,2%), от 50 до 200 р.—694 (26,9%), от 200 до 1.000 р.—763 (29,4%), от 1.000—5.000 р.—258 (10%), свыше 5.000 р.—32 (1,2%).

Хулиганство в истекшем году приняло широкие размеры. На борьбу с хулиганством обращается серьезное внимание. Принимаются меры не только к предупреждению его, но и ведется решительная борьба путем административного и судебного воздействия.

Данные о движении дел у следственных и розыскных органов говорят о следующем состоянии борьбы с преступностью.

За 1925 год в производстве у следователей было 20.195 дел, из них окончено и направлено 19.945 и на остатке числилось 1.970 дел. В производстве органов дознания (милиция, УРО) было 153.056 дел. Из них окончено 146.098 и на остатке 6.958 дел. Всего же в производстве было 173.971 дело. Окончено 166.043 и на 1/1—1926 г. оставалось 8.928 дел.

С 1924 г. остаток неоконченных дел у следователей и у органов дознания идет систематически на убыль. У следователей на 1 января 1924 г. остаток выражался в 6.849 дел, на 1/1—25 г.—3.531 дело, а на 1/1—26 г. в остатке всего лишь 1.970 дел. В связи с увеличением следственных участков, поднятием квалификации следователей увеличилась и пропускная способность их. Если остаток дел на каждого следователя к 1 января 1924 г. выражался в среднем в количестве 71 дела, то к 1 января 1926 г. он сократился всего лишь до 12 дел.

У органов дознания наблюдается менее значительное сокращение остатка дел. Так, остаток к 1 января 1924 г. 10.066 дел на 1 января 1926 г. сократился лишь до 6.958 дел. И это объясняется рядом причин: недостаточность квалификации и текучесть состава работников, отсталость оплаты их. Все же, надо сказать, мы имеем значительное улучшение в работе их и органов следствия. Сокращение остатка неоконченных дел свидетельствует о приближении ко времени совершения преступления момента разбора дела судом и улучшает самое качество работы по расследованию преступлений.

Всем сказанным, конечно, вопрос о борьбе с преступностью не может быть исчерпан и приведенные данные взяты как наиболее характерное, наиболее типичное в работе прокуратуры.

Зам. прокурора Уральской области Д. Козырьков.

== БИБЛИОГРАФИЯ. ==

Ф. И. Вольфсон и Г. М. Сегал. В помощь народному заседателю. С предисловием председателя Московского губсуда А. Т. Стельмаховича. Юр. Изд. НКЮ РСФСР 1926 г., стр. 87. Цена 35 коп.

Работа т.т. Вольфсона и Сегала является, как отмечает в предисловии к ней тов. Стельмахович, первым опытом дать народному заседателю краткое руководство в его судебной деятельности. И надо вполне присоединиться к мнению тов. Стельмаховича, что авторы этой книжки вполне справились со своей задачей. Книжка «В помощь народному заседателю» в сжатой и популярной форме знакомит читателей с порядком выборов народных заседателей, с их ролью в суде и с их правами и обязанностями. Далее следуют две части: одна посвящена гражданским делам, другая — уголовным, при чем, в свою очередь, обе эти части делятся на главы, содержащие краткое изложение основных вопросов материального права (уголовного и гражданского) и процесса (уголовного и гражданского).

Авторы удачно разрешили задачу тем, что вместо сухого схематического изложения всех основных норм гражданского и уголовного права, они дали живое и яркое понятие лишь об отдельных гражданско-правовых отношениях, по имени о тех, которые в массе своей составляют содержание споров, решаемых народами. Довольно подробно останавливаются авторы на крестьянских имущественных разделах, исках об алиментах, взысканиях по займам, вопросах жилищного законодательства, трудового законодательства и проч. Из вопросов уголовного права книжка дает довольно ясное понятие об основах уголовного права, в частности, о классовой политике суда, а также об отдельных видах преступлений, дела о которых по преимуществу разрешаются народами: хулиганство, самогон, неплатеж налогов, кража, оскорбление личности и т. д. Книжка содержит ряд важных указаний относительно дел о раскулачках.

Правила процесса также изложены весьма просто, сжато, без излишних подробностей, но достаточно полно, чтобы каждый, кто прочтет книжку т.т. Вольфсона и Сегала, мог вполне усвоить весь ход нашего процесса, и в особенности те его части, которые протекают в судебном заседании с участием народных заседателей.

Работа т.т. Вольфсона и Сегала не лишена некоторых недостатков.

В главе о разделах нет достаточно ясного указания на то, что при всяком разделе вопрос о долях разрешается самим судом в каждом отдельном случае, на основании всех обстоятельств дела, что разделяющиеся не могут претендовать на то, чтобы каждому была выделена равная доля. Вместо того, чтобы вкратце изложить правила раздела крестьянского имущества, авторы дают лишь голый перечень статей Зем. Кодекса, относящихся к этому вопросу (стр. 19). Касаясь дел об

установлении отцовства, авторы почему-то говорят, что «в этих делах суд должен прежде всего защищать интересы женщины» (стр. 21). Между тем, в этих делах суд должен прежде всего защищать интересы ребенка. Совершенно излишне было подчеркивать, что, в указанных делах суд в редких случаях соглашается с ответчиками, что жалобы последних почти никогда не удовлетворяются, и что «эта линия судов безусловно верна, потому что редко приходится слышать нарекания со стороны на несправедливость решений». Не мешало бы авторам все-таки учесть, что за последнее время стали очень и очень нередки случаи предъявления необоснованных исков. Касаясь ст. 172 ЗАГО, нельзя было ограничиться фразой, что эта статья дает право сестрам и братьям взыскивать на содержание друг с друга (стр. 23), надо было пояснить, при каких условиях. Кстати, указание, что иски о содержании возбуждаются в том суде, в районе которого живет истец или истец (стр. 45), может ввести в заблуждение читателя, который будет думать, что такие иски нельзя предъявлять по месту жительства ответчика. Надо было сказать, что эти иски могут предъявляться по месту жительства истца (истцы) и по месту жительства истца и по месту жительства ответчика.

Поскольку книжка предназначена, главным образом, для народных заседателей, можно было бы ограничиться лишь общими замечаниями о делах, решаемых в порядке судебного приказа, т.е. без народных заседателей (ссуды Сельхозбанка, векселя, стр. 23—26). В изложении норм, касающихся права выселения для производства ремонта помещения, не отмечена весьма важная обязанность суда: указывать в самом решении о выселении срок на производство ремонта, по истечении которого выселяемый должен быть вновь вселен (если пожелает) в занимавшееся им помещение (стр. 32).

В главе, посвященной вопросам уголовного права, говоря о делах, возбуждаемых исключительно по жалобам потерпевших (стр. 67), авторы совершенно не упоминали о ст. 169 (изнасилование), дела по которой в отличие от других дел указанной категории не подлежат преобразованию за примирением сторон. Содержание ст. 158 УПК изложено слишком неточно. Во всяком случае, надо было указать, что мера пресечения в виде лишения свободы допускается не по всем делам, по которым обвиняемому грозит лишение свободы, а исключительно лишь по тем, по которым это лишение свободы может быть назначено на срок более года.

Несомненно, что все эти сравнительно мелкие недочеты, легко исправимые при новых изданиях рецензируемой книжки, которых мы вправе ожидать, не могут умалить ее несомненных достоинств. Надо пожелать работе т.т. Вольфсона и Сегала самого широкого распространения, тем более, что цена ее (35 коп.) при довольно значительных размерах (87 стр.) весьма скромная.

С. Аскарханов.

О Т Р Е Д А К Ц И И.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
3. Непринятые рукописи обратно не возвращаются.
4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

== СО Д Е Р Ж А Н И Е : ==

Циркуляры НКЮ: №№ 85, 86, 87, 88, 91.—Раз'яснения пленума Верховного Суда.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр НКЮ № 85.
НКВД № 159.

Всем нач. адм. отд. краевых, обл. и губ. исполкомов.

О порядке уплаты лицами, проживающими в сельских поселениях, штрафов, наложенных в административном порядке, за нарушение обязательных постановлений губернских (областных) и уездных исполкомов.

Согласно п. «ж» ст. 4 и ст. 5 инструкции НКВД и НКЮ от 12 января 1924 г. за № 24 («Бюлл. НКВД» 1924 г. № 4), наложенный в административном порядке за нарушение обязательных постановлений губ. (обл.) и уездных исполкомов штраф должен быть вносим нарушителем в подлежащий финотдел, с представлением квитанции последнего во взнос штрафа в орган милиции, приводящий в исполнение постановление о наложении указанного штрафа.

Указанный порядок вноса штрафа вызывает значительные затруднения при применении его в сельских местностях, в виду значительной иногда удаленности их от местонахождения финотдела.

В целях устранения таковых затруднений устанавливается в дополнение к инструкции НКВД и НКЮ 1924 г. за № 24 следующий порядок уплаты упомянутых выше штрафов гражданами, проживающими в сельских местностях:

1. Сумма штрафов вносится нарушителем в кассу местного волисполкома под квитанцию, каковая и препровождается нарушителем в установленный п. «к» ст. 4 инструкции семидневный срок в орган милиции, приводящий в исполнение постановление о наложении штрафа. В получении квитанции орган милиции выдает соответствующую расписку.

2. Представленная нарушителем квитанция во взнос штрафа направляется органом милиции в орган, наложивший взыскание.

3. Суммы штрафов, поступившие в порядке настоящего циркуляра в волисполкомы, сдаются полностью в кассы ближайших финотделов для зачисления в доход местных средств по общегубернскому (или соответствующему ему) бюджету.

В соответствии с устанавливаемым порядком уплаты штрафов органами милиции во вручаемых ими в порядке п. «ж» ст. 4 указанной выше инструкции повестках делается в подлежащих случаях нарушителям предложение внести сумму штрафа не в финотдел, а в кассу местного волисполкома.

Народный Комиссар Внутренних Дел Белобородов

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Зам. Нар. Ком. Финансов РСФСР Левин.

4 мая 1926 года.

Циркуляр № 86.

Краевым, обл. и губ. прокурорам.

О наблюдении за исполнением постановления Президиума ВЦИК от 12/X—25 г. о порядке рассмотрения местными исполкомами протестов прокуратуры.

Постановлением Президиума ВЦИК от 12 октября 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 73, ст. 575, и «Еж. Сов. Юст.» 1925 г. № 42—43) председателям местных исполнительных комитетов, под их личную ответственность, вменено в обязанность

установление такого порядка рассмотрения вносимых прокурорским надзором протестов, при котором последние получали бы разрешение не более чем в двухнедельный срок по их внесении.

Однако, из представляемых прокурорами сведений по циркуляру № 5—26 г. устанавливается, что указанный в названном постановлении срок попрежнему в целом ряде мест исполкомами не соблюдается, прокурорский же надзор на это нарушение не реагирует.

Придавая названному постановлению, создающему возможность для прокурорского надзора наиболее быстрого проведения мероприятий к отмене противоречащих законам постановлений и распоряжений, исключительное значение в деле борьбы за революционную законность, предлагается:

1) копии приносимых протестов, оставшихся нерассмотренными в течение двухнедельного срока по их внесении в исполком, с копиями опротестованных постановлений немедленно по истечении указанного срока направлять в вышестоящий орган прокурорского надзора;

2) одновременно с представлением сведений по циркуляру № 5—26 г. отмечать те исполкомы, нарушение срока рассмотрения протестов коими носит систематический характер.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора

Республики Крыленко.

11 мая 1926 г.

Циркуляр № 87.

Всем краевым, обл. и губ. прокурорам.

О порядке предоставления заключенным отпусков на полевые работы в 1926 г.

Президиум ВЦИК 29 апреля с. г. (прот. № 52) свое постановление от 21/IV—25 г. о порядке разрешения длительных отпусков (до 3-х месяцев) заключенным крестьянам в период полевых работ признал действующим и на будущее время (1926 г.). Практика предоставления длительных отпусков заключенным в 1925 г. показала, что местные распределительные комиссии (обл. и губерские) недостаточно точно выполняли требования, предусмотренные постановлением Президиума ВЦИК от 21/IV—25 г.

В постановлении было точно оговорено, что разрешение отпусков может иметь место лишь в отношении тех заключенных, которые совершили преступление по неосознанности, в первый раз или вследствие тяжелых материальных условий, и в отношении которых имеется достаточно оснований полагать, что они в период отпуска не совершат побега, и что их пребывание на месте жительства не вызовет недовольства со стороны местного населения.

В действительности имели место случаи явного несоблюдения вышеприведенных ограничительных условий (освобождались осужденные по ст. 184 УК, которые в период отпуска организовывали бандитские шайки; воры-рецидивисты, которые в период отпуска занимались кражами; освобождением указанных категорий заключенных особенно недовольно было местное население. И, наконец, освобождались заключенные, у которых не было никакого сельского хозяйства и которые на период отпуска выезжали не в сельские местности, а в центральные города и т. д.).

Отмеченные случаи не должны иметь места в практике предоставления заключенным отпусков на полевые работы в 1926 году.

Раз'ясняя, что отпуска на предстоящие полевые работы заключенным крестьянам должны предоставляться с точным соблюдением условий, указанных в постановлении ВЦИК от 21 апреля 1925 г., предлагаю к руководству принять следующее:

1. Отпуска на полевые работы не должны предоставляться осужденным по ст.ст. 76 ч. I и 184 УК (бандитизм), 183 ч. 2 УК (грабеж, совершенные рецидивистами), 180-в (монокрадство), 142 пп. «б», «в» и «г», п. 113.

Приведенный перечень не исключает необходимости осторожного предоставления отпусков и осужденным за другие преступления. При разрешении вопросов по предоставлению длительных отпусков, в каждом отдельном конкретном случае надлежит учитывать, кроме всего изложенного, местные условия и отношение населения (желательность или недовольство) к факту длительного освобождения того или другого заключенного и его пребывания по месту жительства в период отпуска.

2. Постановления распределительных комиссий, противоречащие постановлению Президиума ВЦИК и вышеизложенным директивам, подлежат своевременному опротестованию в установленном порядке.

Зам. Нар. Ком. Юст. и Ст. Пом. Прокурора

Республики Крыленко.

12 мая 1926 г.

ВЫПСКА

из протокола № 52 заседания Президиума ВЦИК от 29 апреля 1926 г.

Слушали:

1. Ходатайство НКВД об оставлении в силе постановления Президиума ВЦИК от 21 апреля 1925 г. «о предоставлении отпусков из мест заключения на полевые работы срочно заключенным крестьянам».

(Внесено НКВД).

Постановили:

Принимая во внимание, что установленное постановлением Президиума ВЦИК от 21 апреля 1925 г. право распределительных комиссий разрешать в период полевых работ отпуска заключенным крестьянам не ограничено периодом 1925 г., признать, что впредь до отмены указанного постановления Президиума ВЦИК таковое продолжает действовать и на будущее время и не нуждается в специальном подтверждении на 1926 год.

Подп. подп.: И. о. Секретаря ВЦИК Я. Полуян.

Циркуляр № 88.

Всем край, обл. и губ. прокурорам и судам.

Об упорядочении следственной работы.

За минувший год состояние следственного аппарата по Республике по числу имеющихся в его производстве дел значительно улучшилось. В настоящее время в производстве каждого народного следователя находится в среднем 15,5 дел и каждого старшего следователя 9 дел.

Такое снижение, шедшее планомерно на протяжении всего прошлого года и первого квартала настоящего года, несомненно, должно было поставить перед прокурорским надзором задачу столь же планомерно вести и усиленную работу в направлении улучшения качественной стороны следственных производств. Однако, по данным, имеющимся в распоряжении Прокуратуры Республики, качественная работа следственного аппарата до сего времени является совершенно слабой. Так, за последнее полугодие 1925 г. по всей Республике направлено на прекращение в среднем 36,2% следственных дел, а в некоторых губерниях и областях— 45,5 и 56%.

Кроме того, из всего количества законченных следственных дел и представленных в прокуратуру с обвинительными заключениями лишь 65% были направлены в суд в порядке I ч. 229 ст. УПК, а остальные или обращены к рассмотрению, или прекращены, или по ним были пересоставлены обвинительные заключения. Эти обстоятельства свидетельствуют об общей слабости следственного аппарата и, в частности, о том, что следственные действия по ряду дел производятся далеко не с достаточной полнотой и без детального выяснения всех моментов, способствующих раскрытию преступления и установлению виновных, и о том, что органы прокуратуры и суды направляют в отдельных случаях следователям дела, произ-

водство следствия по которым является нецелесообразным из-за незначительности последних и сомнительной возможности выявления по ним путем следствия виновных лиц.

Помимо указанного, обращает на себя внимание крайняя текучесть личного состава следственного аппарата, который за 1925 год изменился по Республике в отношении старших следователей на 45% и в отношении народных следователей— на 71,2%.

Частые смены и перемещения следователей не только не содействуют улучшению работы следственного аппарата, но, наоборот, обыкновенно влекут ослабление его работоспособности как в количественном, так, главным образом, и в качественном отношении, что в известной степени усматривается из приведенного выше процента направленных на прекращение дел.

Подобное ненормальное положение далее не может быть терпимым.

На основании всего вышеизложенного, Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1. Наряду с дальнейшим улучшением личного состава следственного аппарата принять меры к тому, чтобы соответствующие своему назначению следователи не смещались без достаточности к тому серьезных оснований.

2. Обратить внимание на качественную сторону работы следователей и на технику самого расследования преступлений, в частности, принимая меры к тому, чтобы по следственным делам все обстоятельства, имеющие то или иное отношение к преступлению, исследовались с исчерпывающей полнотой.

3. Более осторожно направлять следователям на основании 2 ч. ст. 108 УПК для производства дела, не требующие обязательного следствия, ограничиваясь направлением только таких дел, по которым имеются у суда или у прокуратуры определенные основания предполагать, что производство по ним следствия приведет к установлению виновных.

4. Своевременно получать копии постановлений следователей о направлении ими дел в порядке ст. 203 УПК и сособой тщательностью знакомиться с копиями указанных постановлений; в случае несогласия с ними—осуществлять права, предоставленные 226 ст. УПК.

5. В случае установления ничем не оправдываемой текучести следственного аппарата, а также направления следственных дел без производства по ним исчерпывающего следствия, против лиц, допустивших эти явления, будет немедленно возбуждаться дисциплинарное преследование.

Народный Комиссар Юстиции

и Прокурор Республики Курский.

13 мая 1926 г.

Циркуляр № 91.

Всем краевым, обл. и губ. судам и прокурорам.

Копия: ПРОКУРОРАМ АВТ. РЕСПУБЛИК.

О приведении в соответствие с санкцией ст. 79 УК в новой редакции приговоров, вынесенных судами по старой редакции ст. 79 УК.

В виду опубликования ВЦИК'ом («Изв. ЦИК» № 85 от 11/IV—1926 г.) ст. 79 УК (нов. ред.), карательная санкция которой в 1 и 4 части не выше 6 месяцев лишения свободы или принудработ, для приведения в соответствие с санкцией названной статьи вынесенных приговоров по старой редакции, Народный Комиссариат Юстиции предлагает принять к руководству следующий порядок:

Все осужденные, кои ко дню поступления настоящего циркуляра отбыли 6 месяцев лишения свободы или принудработ по приговорам, превышающим 6-месячный срок, подлежат безусловному освобождению по постановлению распределительной комиссии.

Отбывшие менее 6 месяцев по приговорам, превышающим 6-месячный срок, могут быть освобождены досрочно в общем порядке при отбытии не менее 3 месяцев.

Приговоры, превышающие по санкции 6-месячный срок и не вошедшие в законную силу, приводятся в соответствие с санкцией по новой редакции кассационной инстанции при наличии кассационной жалобы, а при отсутствии таковой—судом, вынесшим приговор, как по инициативе суда, так и прокурорского надзора.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора

Республики Крыленко.

21 мая 1926 года.

Раз'яснения пленума Верховного Суда РСФСР.

(Оп 19 апреля 1926 г. протокол № 7).

По предложению президиума Верховного Суда по делу Московского губсуда по иску гр. Строганова и гр. Кудрявцевой-Строгановой о разделе имущества.

Решением Московского губсуда от 26—29 мая 1924 г. была установлена между гр-ном Строгановым и гр-кой Кудрявцевой-Строгановой совместная собственность на право застройки, принадлежавшее ответчику по делу гр-ну Строганову.

7 августа 1925 г. гр-н Строганов обратился в суд с исковым заявлением о производстве фактического раздела в натуре всего права застройки как строения, так и земельного участка, в виду невозможности совместного владения с ответчицей гр-кой Кудрявцевой-Строгановой. Суд иск удовлетворил и произвел фактический раздел, установив, таким образом, два самостоятельных владения.

ГКК Верховного Суда отменила это решение Московского губсуда, указав в своих мотивах, что установление двух владений вместо одного при договоре застройки не может быть произведено помимо воли МУНИ, ибо это существенно изменяет самое существо договора.

По особому мнению члена ГКК Верховного Суда, участвовавшего в разрешении этого дела, вопрос о допустимости реального дробления права застройки без предварительного согласия МУНИ был внесен на разрешение пленума Верховного Суда, который вынес следующее постановление:

«Принимая во внимание:

что по договору застройки местный совет через соответствующий отдел предоставляет определенный участок земли под застройку по выработанному плану, а застройщик принимает на себя предусмотренные договором обязательства в отношении всего участка и воздвигаемых строений;

что право застройки может быть отчуждено с последующей регистрацией в подлежащем отделе местного совета, но в этом случае лицо, приобретшее право застройки, ответственно перед коммунальным отделом в полном объеме договора;

что объектом договора является право застройки в целом, как самостоятельная и неделимая единица, и поэтому, если этим правом владеют несколько лиц, то они солидарно ответственны перед сдавшим право застройки за выполнение обязательств по договору в полном объеме, что невыполнение застройщиком условий договора хотя бы в части влечет за собою обращение взыскания на самое право застройки полностью;

что по этим соображениям право застройки не может быть реально дробимо без предварительного согласия на то соответствующего отдела местного совета, ибо дробление права застройки изменяет самое существо договора, т.е. вместо одного владения с определенными обязательствами устанавливается несколько владений с дроблением этих обязательств и прав на несколько частей, пленум Верховного Суда постановляет: согласиться с определением ГКК Верховного Суда от 6 февраля 1926 г. и особое мнение оставить без последствий».

По предложению президиума Верховного Суда по делу Архангельского губсуда по иску «Архторгпорта» и Архангельскому союзу сельскохозяйственных кооперативов и гр. Федорову.

28 марта 1924 г. артель гр-н Патракевской волости Архангельской губ. продала по нотариальному акту гр. Федорову моторный катер «Уточка» длиной 35 фут. с 12-сильным двигателем.

17 июня 1924 г. комиссия по проверке правильности денационализации флота Северного района, установив, что гр-н Федоров владеет еще и другим катером «Галля», предложила управлению Архангельского торгового порта предъявить

иск об изъятии от Федорова катера «Уточка» и о передаче его в распоряжение НКПС.

До предъявления иска катер «Уточка» был продан гр-ном Федоровым по нотариальному акту Архангельскому сельскохозяйственному союзу кооперативов.

Вследствие этого управление Архангельского торгового порта 18 апреля 1925 г. предъявило к Федорову и к союзу с.-х. кооперативов иск о признании сделки на продажу катера «Уточка» недействительной и о передаче катера, как национализированного, в распоряжение порта.

В заседании от 28 мая 1925 г. Архангельский губсуд в иске отказал, исходя из всех обстоятельств дела и находя, что Федоров, как законно владевший катером, вправе был продать катер союзу кооперативов.

Это решение было утверждено ГКК Верховного Суда в заседании от 23 ноября 1925 г., при чем в своих мотивах ГКК указала, что «ненационализированные суда торгового флота являются свободным предметом гражданского оборота, и ГК не содержит в себе запрещения сосредоточивать в одних руках несколько ненационализированных судов».

Это определение ГКК было опротестовано Прокурором Республики в пленум Верховного Суда, который вынес следующее постановление:

«Принимая во внимание, что декрет от 26 января 1918 г. запрещает оставлять в руках одного лица более одного судна, независимо от его размера; что это запрещение подтверждено декретом от 5 сентября 1924 г. (п. «б» ст. 4); что по декрету от 5 сентября 1924 г. национализированным считаются лишь те частновладельческие суда, которые подлежали национализации на основании декрета от 26 января 1918 г. и инструкции от 18 мая того же года, во всех же остальных случаях владения судами с нарушением правил этого декрета декрет предусматривает не национализацию или конфискацию, а выкуп или обязанность продажи в другие руки; что поэтому мотивы определения ГКК об отсутствии в законе запрещения сосредоточивать в одних руках несколько ненационализированных судов неправильны и подлежат отмене; но что, как видно из материалов данного дела, маломерный катер «Уточка» не был национализирован и не подлежал национализации по декрету от 26 января 1918 г. и что в деле не видно, чтобы со стороны приобретшего этот катер и ныне им законно владеющего Архангельского сельскохозяйственного союза кооперативов была допущена какая-либо недобросовестность, и поэтому решение губсуда, а равно определение ГКК в части утверждения этого решения в конечном выводе правильно,—пленум Верховного Суда постановляет:

1. Определение ГКК Верховного Суда от 23 ноября 1925 г. об утверждении решения Архангельского губсуда по настоящему делу оставить в силе, с изменением мотивов этого определения в соответствии с изложенным выше раз'яснением.

2. Войти с предложением в НКЮ об указании нотариусам на необходимость при каждом приобретении негосударственными учреждениями судов, указанных в п. 4 декрета от 5 сентября 1924 г., отбирать подписки и всеми способами удостоверяться в том, что у приобретателя нет другого судна».

ПОПРАВКИ.

В № 20 «ЕСЮ» в статье С. Мокринского на стр. 612, во 2 столбце, строка 1 сверху, напечатано: «в своих 13 пунктах...», следует: «в своих 5 пунктах...». В том же 2 столбце, в строке 10, напечатано: «обвиняются ст. 79 УК...», следует: «обвиняются ст. 79 УК...». В том же 2 столбце, в строке 32, напечатано: «Иначе, тот же», следует: «Иначе тот же».

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.